

Неповторимо.

РОСТЁР

октябрь

1956

ВОСТЁР

4

ОКТАБРЬ ★ 1956

Ежемесячный детский журнал

Ц К В Л К С М И С О Ю З А П И С А Т Е Л Е Й С С С Р

ЛИСТИК

Листик, листик вырезной,
Солнышком окрашенный,
Был зеленым ты весной,
А теперь оранжевый.

Ты на дереве висел
Лишь сегодня утром,
А теперь вдруг полетел
С ветерком попутным.

Над поляной закружил
В предвечерней просини
И беззвучно объявил
О приходе осени.

Сергей Скаченков.

Государственное издательство
Детской литературы
Министерства просвещения РСФСР
Ленинград 1956

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КАРТИНЫ

Дмитрий Левоневский

Прежде, чем рассказать эту историю, хочется спросить: все ли видели картину И. Бродского «Выступление В. И. Ленина на Путиловском заводе»? Да, наверное, все, даже самые юные школьники. Ведь репродукции этого произведения разошлись по стране в сотнях и тысячах экземпляров...

Вспомните, что изобразил художник на полотне.

Прокопченные стены цехов Путиловского завода, деревянное здание завкома, маленький красный помост-трибуна в центре просторной площади. Тысячи людей заполнили площадь. Ленин произносит речь, обращенную к путиловцам.

Правая рука Владимира Ильича энергично выброшена вперед, в левой он держит кепку. Позади него на ступенях трибуны стоит старик-рабочий с клокочающей седой бородой, рядом — мастеровой в русской рубахе. Мастеровой открыл блокнот, но речь вождя так его захватила, что он забыл про карандаш и про то, что хотел записывать каждое слово...

Эти рабочие совсем недавно свергли царя, выгнали со всех фабрик и заводов ненавистных им директоров. Но впереди еще огромные испытания, не всем видна правильная дорога к будущему: ведь дорог много — каждая из политических партий зовет рабочих за собой... Чутьем понимают путиловцы, что оратор знает правду. Он страдал ее в царских тюрьмах, в ссылке, в эмиграции. Он укажет сейчас правильную дорогу. Внимательные глаза рабочих обращены к Ильичу.

Участники этого памятного митинга на Путиловском заводе утверждают, что 12 мая 1917 года Ленина слушало около 25 000 человек — вся первая смена, рабочие, пришедшие на работу во вторую смену, и рабочие Северной судостроительной верфи, которая тогда еще не отделилась от завода. С этого дня большинство путиловцев пошло за Лениным, а влияние эсеров стало быстро падать; партия меньшевиков не досчиталась сотен своих членов. Путь вперед был открыт — путь к победоносной социалистической революции.

После выступления Ильича митинг сам собой закрылся, люди никого уже не хотели

слушать. Представители штаба Красной гвардии и члены Союза металлистов сопровождали Ленина в автомобиле до Нарвских ворот.

...Прошло десять лет. Советская страна готовилась встретить первое десятилетие своего существования. На одном заседании завкома «Красного путиловца» славный руководитель рабочих Иван Иванович Газа предложил просить художника И. Бродского написать картину «В. И. Ленин на «Красном путиловце». На этом собрании Газа сказал: «Нам обязательно нужно восстановить в памяти выступление Ильича. Мы вели переговоры с художником Бродским, который сказал, что его увлекает мысль — изобразить Ильича непосредственно на заводе, выступающего перед рабочей аудиторией».

Предложение И. И. Газы было горячо поддержано рабочими. Тут же они заявили, что если у завкома не хватит средств, каждый присутствующий согласен внести добровольный взнос. Решение завкома поддержал Ленинградский горком Союза рабочих металлистов. Впервые профессиональный союз выступил в роли заказчика художественной картины.

Художник И. Бродский приехал на завод, чтобы ознакомиться с «натурой»: посмотреть людей — участников митинга и то место, где выступал Ленин. К счастью, площадь перед старым зданием завкома еще существовала, ее не успели перестроить, небольшие изменения были заметны только во внешнем виде цехов.

Можно представить, как была трудна задача, поставленная перед художником. Пригласить для позирования предстояло не менее полутора «натурщиков». Надо было опросить участников митинга о всех исторических подробностях, а также и бытовых мелочах: какая была 12 мая погода, во что были одеты рабочие?..

В мастерской художника побывали десятки старых путиловцев. С каждым И. Бродский подолгу беседовал. Так он определил самое важное, основное: Ленин завоевал сердца слушателей необычайной простотой, ясностью мысли, беспощадной правдивостью своей речи.

После тщательной подготовки художник начал работать над картиной. И. Бродский и раньше часто и удачно рисовал Ленина, в частности, на заседаниях конгресса Коминтерна. Один рисунок И. Бродского Ленин даже подписал, хотя долго спорил с окружающими, утверждая, что он «не похож». Когда же большинство зрителей решило, что «похож», то Владимир Ильич, улыбаясь, сказал: «Первый раз в жизни подписываюсь под тем, с чем не согласен».

Обилие набросков ленинских портретов очень помогло И. Бродскому, но все же художник понимал, что Ленин в 1919 и 1920 годах, когда делались первые зарисовки, выглядел несколько иначе, чем в мае 1917 года. Пришлось упорно потрудиться над изображением Ленина на трибуне путиловского митинга, десятки раз перделывать начатое.

Через два года Союз рабочих металлистов принял картину И. Бродского. Собственно, она уже была принята теми «натурщиками», которые увидели ее первыми и признали знакомых на ожившем полотне.

В решении президиума Союза металлистов говорилось: «1. Картину «Ленин на Путиловском заводе» принять. 2. Указанная картина должна принадлежать рабочим завода «Красный путиловец»..

Союз постановил поместить полотно И. Бродского в Московско-Нарвском доме культуры. Со всех предприятий Ленинграда были приглашены рабочие-металлисты, и они торжественно вручили картину рабочим Путиловского завода.

Художник И. Бродский за работой.

Дальнейшая судьба этой знаменитой картины известна. Тысячи рабочих посетили Дом культуры, где находилась картина, многие приобрели на память открытки с ее репродукциями. В 1937 году на Всемирной Парижской выставке картина «Ленин на Путиловском заводе» была удостоена высшей премии. Так завершился труд художника и большого коллектива путиловцев — труд, который привел к созданию широкого исторического полотна.

Я Н

Анатолий Имерманис

Рисунки В. Сердюкова

Корабль военный входит в порт желанный,
Весь в ярких флагах, мальчику знаком...
Сегодня праздник радостный для Яна:
Спешит он в гавань встретиться с отцом.

Отец здесь самый статный, самый смелый,
Он загорел на вахте боевой.
Блеск золотых нашивок, китель белый,
С эмблемою фуражка у него.

Пусть надо лбом его белеет проседь —
Он молодой, он моря властелин.
Любимый командир своих матросов, —
Таким отцом гордиться вправе сын.

Спускается моряк неторопливо,
Нарядный кортик пламенем горит.
И вот уже в объятьях сын счастливый,
Он моряку волнуясь говорит:

«Отец! Мне здесь на суше надоело,
Возьми меня с собой в морской поход.
Я так хочу взлететь на мачту смело,
Хочу увидеть, как орудье бьет».

Отец смеется: «Нет, сынок, послушай,
Для нас морские не легки пути.
Чтоб научиться метко бить из пушек,
Ты должен школу строгую пройти.

Когда пройдешь науку в нашей школе,
И ты взбежишь по трапу корабля,
Ты будешь бороздить морское поле,
Владеть тяжелым колесом руля.

По компасу, в лавине брызг соленых,
Ты будешь зорко править кораблем.
Любую бурю встретишь непреклонно,
Таким, как я, ты станешь моряком.

Пойдешь сквозь шторм, упрямо зубы стиснув,
В бою ты будешь смелым, мальчик мой,
За край родной не пожалеешь жизни,
Как не жалеет твой отец седой.

Ладонь отца сжимает крепче Янис,
Стучат их одинаково сердца.
«Я закалюсь в учебе, испытаниях,
Достоин буду своего отца!»

*Перевел с латышского
Всеволод Азаров.*

ДВА ГАЛСТУКА

Вера Кетлинская

Река, которую вы увидите на снимке, — Жемчужная река (стр. 7 вверху). Вы знаете о ней из учебника географии. Но мне недавно посчастливилось увидеть ее и сфотографировать из окна гостиницы в Кантоне. Девочки эти — обыкновенные китайские пионерки, я сняла их на дамбе возле города Ухань и даже не знаю, как их зовут, потому что они застеснялись и убежали до того, как я записала их имена (а точно записать китайские имена трудно, китайская речь легка, певуча, и многие звуки в произношении путаются — например, Ц, Ч и Ж произносятся почти одинаково). Вероятно, и Жемчужную реку, и девочек можно снять лучше, чем это сделала я, но те, кто занимаются фотографией, знают, что лучший снимок это тот, который сделаешь сам. Представьте себе, что вам удалось побывать в Китае и от-

снять там двадцать пленок — есть чем погордиться! Горжусь и я...

Многие географические названия запоминаются с детства — пустыня Гоби, Большой Хинган, реки Хуанхэ, Янцзы и Жемчужная... Города Пекин, Шанхай, Ухань, Кантон... Все это с детства знакомо, приманчиво — и в то же время так далеко, что и не мечтаешь увидеть. Не мечтала об этом и я. И вдруг — далекое стало близким, видимым.

Под крылом самолета простирались бескрайние буро-зеленые просторы пустыни Гоби с мертвенными пятнами солончаков... Потом сквозь разрывы облаков, с высоты 3500 метров, я увидела скалистые, с нагромождением камней, суровые горы Большого Хингана. Все 32 дня, проведенные в Китае, я жила, как в сказке или волшебном сне, таком интересном, что страш-

но — вдруг проснешься и все исчезнет. Но сон был самый счастливый — сон наяву.

Я ходила по роскошным императорским паркам и дворцам Пекина и по его улицам, испещренным вывесками-иероглифами. В Шанхае я искала знаменитый город джонок — город на воде, где в лодках рождались и жили десятки тысяч бедняков. И не нашла этого города на воде, потому что его уже нет. Бывшие речные жители теперь получили землю и переселились в дома.

Я была во многих городах и деревнях Китая, ездила в поездах и в автомобиле, летала на самолете и сверху разглядывала громадные просторы Китая с бесчисленными реками и рисовыми полями. Поля расположены уступами — одни зеленеют, другие уже желтеют. В Китае часто снимают по два урожая

в год. Многие поля залиты водой и сверху похожи на зеркала — в солнечный день они так ослепительно сияют!

Выйдя из самолета в Кантоне, я попала в жаркую, влажную духоту — как будто в парилке бани. Мы шли мимо бамбуковых рощ, мимо банановых пальм, на которых запросто зрели бананы... Тропически влажная духота при температуре в 30—40 градусов держалась ночью и в дождь, а дожди там шумные, бурные, про такие у нас говорят: «Льет, как из ведра». Промокнешь насквозь, а через минуту высохнешь. От жары мы спасались на реке, на свежем речном ветерке. И как же она раздолбна и красива, Жемчужная река! Посмотрите, сколько на ней парусных джонок. Одни возвращаются с рыбной ловли, другие перевозят грузы или пассажиров, а есть и такие джонки, на которых можно покататься по реке, подплыть к водному бассейну и спортгородку, где вечерами гуляет кантонская молодежь.

Я видела там очень интересную китайскую игру: на доске одно за другим установлены все уменьшающиеся металлические кольца, за самым маленьким — щит, на нем — красная лампочка. Берешь тонкий металлический прут и стараешься провести его через все кольца, не задевая их. Чуть заденешь, на щите вспыхивает красный сигнал — проиграла! Выиграть трудно, последние кольца кажутся выше, чем они есть, прут задевает их. От игры не оторваться, так и кажется, что в следующий раз обязательно попадешь. Рядом — тир, настольный теннис, баскетбольные площадки и несколько бассейнов для плавания — отгороженные на реке участки с мостками и вышками для прыжков.

Вода в реке желтая, мутная, как и во всех реках Китая — это от лёссовой почвы. Только на закате солнца она действительно Жемчужная — серебрится и отливает нежными красками... Быстро наступает черная тропическая ночь, в потемневшей воде отражаются цепочки цветных фонариков, украшающих бассейн, скользят огни джонок и пароходов... И вдруг рядом возникает маленькая узкая лодка, на ней стоит старик, горланно и певуче что-то выкрикивая. Это продавец креветок вышел к покупателям на середину реки. Молодежь охотно подплывает к передвижному «ларь-

ку» за излюбленным лакомством. Жареные креветки очень вкусны, впрочем, как и все китайские кушанья, — китайцы умеют вкусно приготовить и трепангов, и молодые побеги бамбука, и многое другое.

В Китае вообще немало того, что воспринимается нами, как необычное. Диковинными кажутся огромные, как зонты, соломенные или бамбуковые шляпы, их носят крестьяне в поле, рабочие на стройке, женщины, велосипедисты. Такая шляпа защищает и от жгучего солнца, и от дождя. Необычны для нас и велорикши: вместо заднего колеса к велосипеду прикреплена двухколесная коляска, в ней помещаются два седока, а часто и целое семейство — мама с двумя-тремя ребятишками. Тащить коляску с пассажирами на велосипеде, конечно, легче: ведь раньше рикши сами впрягались в коляску и бегом тянули ее... Но все же и для велосипедиста такой груз тяжел.

Сейчас в Шанхае уже ставят на эти велоколяски маленькие моторы типа нашего «Иртыша», а затем их вытеснят автомобили, автобусы и троллейбусы, которых с каждым месяцем становится все больше.

Да, много удивительного видишь в Китае, но всего удивительнее то, как за шесть лет изменилась жизнь в этой громадной стране, всего удивительнее — как быстро она меняется!

Среди всех подарков и памятных вещей, привезенных мною из Китая, мне особенно дороги два галстука — два красных пионерских галстука, напоминающих мне не только о ребятах, подаривших их, но и о многом другом.

Первый галстук — новый, шелковый, старательно отглаженный, был надет мне на шею торжественно в шанхайском Дворце пионеров. Дворец этот — большой и очень красивый, в его залах и комнатах занимаются планеристы и будущие корабельные мастера, юные художники и танцоры, акробаты и математики, вышивальщицы и натуралисты.

В прекрасной библиотеке дворца, наряду с книгами китайских писателей, берут нарасхват и книги Гайдара, Маршака, Маяковского, «Повесть о настоящем человеке», «Молодую Гвардию», «Александра Матросова»... Пионеры встречаются с писателями, с героями недавних боев и нынешнего созидательного труда, с актерами, с учеными... Перед

дворцом — хороший сад со спортивной площадкой и с большой зеленой лужайкой, где гимнастам так удобно делать свои упражнения на мягкой густой траве...

Дворец расположен в самом центре Шанхая, в том «особом» районе города, где еще недавно жили под охраной собственной полиции и собственных законов английские, американские, французские капиталисты. Дико, правда? На китайской земле, в китайском городе — и вдруг «иностранный сектмент» — особый район, куда китайцам и доступ был затруднен, да и ходить не хотелось...

В 1949 году народная революция положила конец ограблению Китая иностранными капиталистами, смела их несправедливые законы, отдала китайскому народу его родную землю и построенные им города, заводы и дворцы. А народ отдал все самое лучшее детям.

Мы спросили, кому раньше принадлежал вот этот чудесный дворец? И нам сказали, что дворец построил для себя английский богач, бывший «опиумный король». Приходилось ли вам слышать о том, что китайский народ вел несколько «опиумных» войн? Больше ста лет назад началась длительная, кровавая война китайского народа против иностранных захватчиков, которые нахлынули в Китай в поисках наживы, угрожая непокорным пушками и пытаясь одурманить китайцев губительным зельем — опиумом. А китайцы не хотели одурманиваться и не хотели отдавать свою страну на разграбление. Под Кантоном, около деревни Санлюанли, где теперь хорошее коллективное хозяйство свободных крестьян, на холме стоит памятник. В 1840 году тут разыгралось первое сражение «опиумной» войны. Китайцы захватили и сожгли все запасы опиума, завезенного в Кантон, а когда на «защиту» купцов высадились на берег иностранные солдаты с пушками, вступили с ними в тяжелый, неравный бой.

Теперь китайские ребята только от стариков да в школе на уроках истории узнают о том, что когда-то в их стране хозяйничали иноземные богачи, что китайцы были «неравноправными» в своей собственной стране, что девять десятых населения Китая оставалось неграмотным, и уделом народа было или гнуть спину ради прибылей богачей,

или бороться за свободу с оружием в руках.

Китайский народ выбрал путь борьбы — и победил. Борьба была многолетняя, героическая, со многими поражениями и жертвами. Красные галстуки китайских детей, свобода, возможность учиться и работать для себя завоеваны дорогой ценой, омывы кровью героев. Глядя на два галстука, подаренные мне, я вспоминаю об этом и вспоминаю, что мы, советские люди, всегда были на стороне борющегося китайского народа и всеми силами помогали ему, а ведь дружба, проверенная в борьбе, самая прочная и святая дружба!

Второй галстук — старенький, выгоревший на солнце и вылинявший от дождей. Подарил мне его мальчик в городе Ухань, в парке на берегу реки Янцзы. Вы, конечно, легко найдете на карте и реку Янцзы, и город Ухань (или Ханькоу, хотя Ханькоу — лишь один из трех городов, слившихся в один громадный город Ухань). Вы, наверно, знаете, что река Янцзы — одна из величайших рек мира. Но вы не представляете себе, какой у нее капризный и злой характер, у этой длинющей многоводной реки, и вряд ли много слышали о том, как китайцы обуздывают ее дурной характер. А дело это нелегкое.

Проследите по карте — Янцзы берет свое начало в Тибете. Сколько вод от тающих ледников стекает в нее, сколько многодневных стремительных ливней обрушиваются в нее потоки воды! К концу лета река вздувается, выходит из берегов, грозно устремляется на крестьянские поля, на селения и города, все опрокидывая, размывая и уничтожая на своем пути. Бывали годы, когда во время наводнения гибли десятки и сотни тысяч людей...

С давних времен китайцы строили дамбы — высокие насыпи, укрепленные камнем или бетоном. Такие дамбы тянутся по берегам Янцзы, Хуанхэ и других рек на сотни километров. В периоды подъема воды люди бежали прочь от родного дома, бросая все свое имущество. Многие не успевали убежать и гибли, настигнутые волнами. Тысячи смельчаков на джонках спасали тонущих. Миллионы людей выходили на дамбы — укреплять их, наращивать, заделывать дыры, размытые водой...

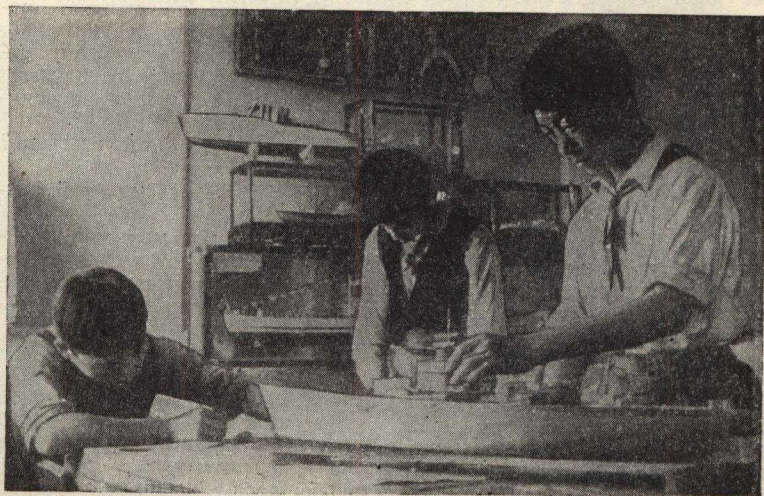
Во время огромного наводнения 1954 года народная власть

Вот это и есть Жемчужная река.

Так выглядят велорикши в дождь.

Будущие кораблестроители за работой.

так организовала спасательные работы, что жертв было немного... Но разве не лучше злую силу реки превратить в добрую? Пусть бешеный поток воды крутит турбины гидроэлектростанций, пусть запасы воды, сбереженной во время паводка, в засушливое время потекут по каналам на рисовые поля, а по новым морям суда смогут подниматься по реке до таких мест, куда раньше они не могли добраться!

Теперь на многих реках Китая строят гидроэлектростанции, создают искусственные моря — водохранилища.

Молодым китайским специалистам дружески помогают наши советские инженеры и мастера. А молодые китайцы усердно учатся и строят, строят, строят собственные заводы, электростанции, мосты, железные дороги. Уже начали выпускать свои автомобили и корабли, станки и приборы, строительные механизмы и всё, что нужно для хозяйства. Китай сегодня — страна, живущая грандиозными стройками и грандиозными планами.

Мне удалось подняться вверх по Янцзы в ущелье Санься. Это величественное ущелье протянулось на 205 километров. Оно начинается ниже города Чунцин и кончается возле города Ичан. Река мчит там среди высоких, местами почти отвесных, скал со скоростью пяти метров в секунду. Даже на пароме страшно — вода крутится, завивается воронками, а бросишь листок бумаги — его мгновенно уносит вниз по течению, так что и не успеешь, как его помчалось. Тяжело нагруженные джонки ползут вверх по реке вдоль самого берега, лодочники изо всех сил наваливаются на шесты, завоевывая каждый метр пути, а в некоторых местах выходят на берег и тянут лодку канатами, по-бурлацки...

Пройдет несколько лет — и большие суда будут спокойно входить в ворота шлюзов, поднимаясь с одной водяной ступени на другую, потом без труда поплывут по Саньсийскому морю. А по двум сторонам высоченной (свыше двухсот метров) плотины десятки турбогенераторов будут вырабатывать электрический ток.

Мощность будущей ГЭС Санься планируется такая, что даже для нас, привычных к большим цифрам, она звучит потрясающе: 18—20 миллионов киловатт! Вспомните, что мощность строящейся Братской ГЭС — 3 мил-

лиона 200 тысяч киловатт, значит, Санься будет, примерно, в шесть раз больше!

Впрочем, в Китае все огромно — и сама страна, и население (600 миллионов человек), и горы, вздымающие свои вершины на 6—8 километров, и задачи, стоящие перед народом. Ведь в бассейне реки Янцзы живет 230 миллионов человек — десятая часть человечества! Будущие гидроузлы не только дадут электрическую энергию и облегчат судоходство, но и навсегда спасут миллионы людей от опасных наводнений.

В Ухане отметки на многих домах показывают, насколько поднималась вода во время сильнейших наводнений. Первые этажи домов находились под водой, кое-где вода проникала и во вторые этажи. По улицам ездили в лодках — и не день, не два, а несколько недель, так как высокая вода стоит долго. В прибрежном парке две высокие беседки целиком уходили под воду, даже остроконечных крыш не было видно.

В парке мы повстречались с ребятами, и они рассказывали нам о борьбе с наводнением в 1954 году, о своей жизни и учебе. Переводчики еле поспевали переводить вопросы и ответы. Вдруг одна девочка сняла свой пионерский галстук и повязала его моему товарищу — казахскому писателю Сабиту Муканову.

Я только что успела «схватить» этот момент своим «Зорким», как один мальчик повязал галстук и мне. Этот видавший виды галстук был явно обкусан на концах.

— А я что-то знаю, — сказала я. — Когда ты не можешь решить задачу или не помнишь, как пишется иероглиф, ты кусаешь кончик своего галстука.

Мальчик смущенно отнекивался.

— Что же ты тогда грызешь?

— Карандаш.

— А кто же грызет твой галстук?

Засмеявшись, мальчик признался, что грызет его сам, когда не попадает под руку карандаш. Но это случается «только иногда».

— И помогает? Иероглиф находится?

— Находится.

Вот я теперь и храню этот галстук, в концах которого «находятся» потерянные слова и недостающие решения. Может быть, он и мне поможет при случае?!

Тридцать два дня в Китае пролетели, как один день. Я уже дома, снимки отпечатаны — несколько сотен фотографий лежат стопками, дожидаясь часа, когда я рассортирую их и наклею в альбомы. Несколько фотографий я выбрала для журнала «Костёр». Чтобы показать их все и рассказать обо всем, что я увидела и узнала в Китайской Народной Республике, нужна целая книга. А чтобы рассказать об этой удивительной стране всё, что так интересно и важно знать всем нам, нужны десятки книг.

Китайцы многому учатся у нас, но и нам полезно многое перенять у них, потому что китайский народ на диво трудолюбив, организован и упорен в любом деле, за которое возьмется. Несколько лет назад Народное правительство призвало народ бороться против «четырёх зол»: мух, комаров, мышей и воробьев. Это было очень важно для пресечения эпидемий, которые в старом Китае косили миллионы людей, для охраны посевов. И вот началась всенародная борьба. Нам рассказывали, что мух били все — и министры, и школьники, били везде — в домах и на улицах. И мух в Китае не стало, за всю поездку по стране мы не видели ни одной, потому что за это маленькое, но важное дело взялись все.

Сразу после освобождения, с 1949 года, свободный Китай начал огромные работы, чтобы уничтожить вековую нищету, отсталость, неграмотность. Сразу понадобились сотни тысяч учителей, инженеров, врачей, строителей, ученых... И китайский народ начал учиться. Учатся в Китае все и всюду.

Каждый год создаются новые институты и каждую осень становится все больше и больше студентов. В школах днем учатся дети, вечером — взрослые. В красных уголках рабочих поселков, в квартирах и прямо во дворах занимаются группки пожилых женщин и мужчин — учатся грамоте.

Однажды на рассвете мы приехали на уханский аэродром и увидели в углу пассажирского зала «школу» — десятка полтора аэродромных рабочих старательно переписывали в тетрадки иероглифы, которые «учитель», то есть их грамотный товарищ по работе, писал на доске... В Чанчуне (на северо-востоке страны), в цехах нового автомобильного завода, уже выпускающего сейчас первые китайские

грузовики, я застала в конце дня десятки таких летучих «школ». Пристроившись за столами мастеров, а то и просто на фундаментах станков и на полу, молодые рабочие прилежно учились — одни овладевали грамотой, другие изучали технику.

В поездке нас сопровождал очень юный китайский комсомолец-переводчик Тэ Чжен или, как его прозвали в школе русского языка, — Сашка. Тэ Чжен свободно говорил по-русски, читал наизусть русские стихи, пел наши песни.

Его юная голова была полна учености, и каждое явление он тут же объяснял политически. Мы смеялись, что Сашок нас «воспитывает». А учился он всего полтора года. Я спросила его, сколько же времени он отдавал учению. Он вскинул на меня удивленный взгляд и сказал:

— То есть как — сколько? Каждый день и все время.

В городе Ичан, на обратном пути из ущелья Санься, я познакомилась с 23-летним геологом-разведчиком Чжан Юном, у которого уже накопилось полтора года инженерного стажа. Я поинтересовалась, когда же он успел стать инженером? Оказывается, кончил институт за два года вместо пяти! Каким же образом? Да просто студенты откликнулись на призыв коммунистической партии, поняли, как важны для народа все работы по обузданию рек, и записались на «ускоренный поток»! Учились без усталы, даже по воскресным дням, а во время каникул работали изыскателями на местах будущих водохранилищ...

— Работали целый день на воздухе, много ходили, так что получалось вроде каникул, — сказал Чжан Юн. — А вечером занимались теорией.

Я подумала тогда, что такие люди, как Чжан Юн (а их в Китае миллионы!), очень быстро покончат с отсталостью страны.

Вы, наверное, следите за всеми спортивными новостями и знаете, что до сих пор Китай не имел особых успехов на международной спортивной арене, не завоевывал мировых рекордов. Да это и не удивительно. Народ смог заниматься спортом только после освобождения страны, то есть последние семь лет. Но я убеждена, что мы скоро услышим о крупных спортивных успехах китайских друзей.

Ранним утром в Шанхае я подошла к окну. Над городом

Красиво и сурово ущелье Санься.

Так казахский писатель стал китайским пионером.

В загородном парке под Пекином любят отдыхать и дети, и взрослые.

Эта школьница при нас выиграла забег на 100 метров в соревнованиях в Кантоне.

Так иной раз встречается старая и новая техника...

клубился утренний туман, солнце еще только вставало. Постепенно туман отступал, и в разрыве белой пелены я вдруг увидела поле стадиона с десятками движущихся фигурок. В середине поля тренировались футболисты, на площадках сбоку — баскетболисты, метатели дисков и копий, прыгуны и гимнасты, по гаревым дорожкам мчались бегуны. Все это происходило в шестом часу утра, перед работой.

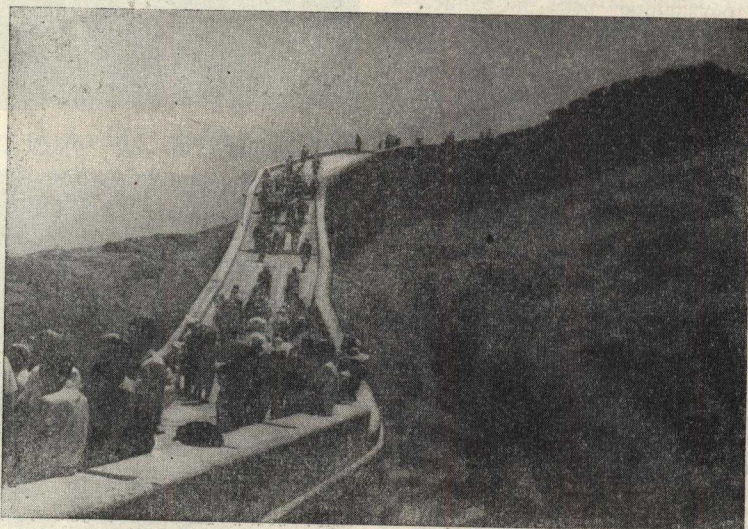
Каждый раз, когда мы выезжали из дому ранним утром, мы видели на улицах и загородных дорогах цепочки бегунов в майках с иероглифами — знаками спортивных обществ — на груди. В городе Шеньян (бывший Мукден) мы горячо «болели» за китайских баскетболистов на встрече с французскими баскетболистами. Мужчины выиграли с хорошим счетом, а девушки проиграли француженкам, но как славно боролись китайки до последних секунд игры, сколько у них было энергии и воли к победе!

В Ичане окно комнаты, где я почевала, выходило на школьный двор. Меня разбудила музыка и команды радиодиктора. Я подбежала к окну. Весь двор был заполнен детьми и взрослыми в трусах и майках, ученики и учителя перед началом занятий дружно делали утреннюю гимнастику...

В Китае есть две ежедневные «пятнадцатиминутки» — утром и днем, когда на улицах, во дворах, в цехах заводов и в коридорах учреждений все китайцы занимаются гимнастикой. Я видела на площадке перед массивным зданием Пекинского банка довольно солидных банковских служащих, усердно проделывавших вольные упражнения. В другой раз я приехала в управ-

ление строительства Уханьского моста, но управление вдруг опустело — все ушли на пятнадцатиминутную гимнастику, надо было подождать...

Да, большое светлое будущее у такого народа! Любимой победы добьются люди, когда они умеют все делать дружно, сообща, когда у них есть ясная цель, твердая воля, энергия и упорство.

Может быть, и вам когда-нибудь удастся побывать на Великой китайской стене!

Так поступают спортсмены

История одной лыжной палки

Кортина д'Ампеццо — название маленького итальянского городка в Доломитовых Альпах. До прошлой зимы оно было знакомо лишь немногим учителям географии. А теперь вы с удивлением посмотрите на товарища, если он не сумеет сказать, где проходили зимние Олимпийские игры 1956 года.

Да, это было в Доломитовых Альпах. Представьте себе массивные горы причудливых очертаний: красноватые заснеженные могучие утесы; суровые, созданные природой, величественные каменные башни; острые зубцы, недоступные даже горным козам. И среди гор по ослепительно искрящемуся снегу, извиваясь, бежит трасса олимпийской лыжной гонки. Упорный поединок идет между советским спортсменом Федоровым и финном Ниемином.

На узком деревянном мостике, перекинутом через пенящийся в глубоком ущелье незамерзающий поток, ждет своего друга Федорова советский спортсмен Заха-

вин. Почему он пришел сюда на лыжах, а не встречает победителя вместе с туристами на финише?

Здесь, в конце головоломного спуска, лыжник, чтобы попасть на узкий мостик, должен сделать крутой поворот. Не одна пара лыж была сломана на этом месте. Может быть, придется выручать товарища — отдать ему свои лыжи. Но даже если всё будет благополучно, Федорова надо ориентировать во времени, подбодрить.

Секундомер в руках Захавина быстро, кажется, слишком быстро отсчитывает секунды. Уже пора! Вот, наконец, на гребне горы появилась точка. Она быстро растет. Время от времени на поворотах скрывается в облаках снега. Уже слышен скрип лыж, шумное дыхание...

Но это не Федоров, а Ниеминен. Он резко поворачивается к мостику, взлетает на него и... не удерживая равновесия, падает. Падение не опасно — и лыжи, и лыжник целы. Ниеминен быстро вскакивает, отряхивается,

поднимает одну палку, ищет другую. Ее нет, она вырвалась из рук, и вот ее, как соломинку, уже подхватил горный поток.

Без палки на сложной альпийской трассе лыжник должен потерять десятки секунд, может быть, даже минуты. Поражение обидное, случайное, — неминуемо...

В эту секунду к финскому спортсмену подбегает Захавин и передает свою лыжную палку. Финну некогда удивляться. Едва успев благодарно кивнуть головой, он с удвоенными силами мчится вперед. Через несколько секунд на мостике мелькает свитер Федорова. Борьба честная, спортивная борьба продолжается...

На следующий день зарубежные журналисты так и писали в своих отчетах, что Ниеминен финишировал с одной финской и одной русской палкой. Это была не просто спортивная победа, но, если хотите, победа международной солидарности спортсменов.

«Их ворота — мои ворота»

Ребята этого города дружат со школьниками Ужгорода.

В июне 1956 года венгерские пионеры справляли день рождения своей организации — первое десятилетие. Праздник встречают с друзьями, и венгерские ребята приехали в Ужгород, а наши — в Венгрию. Одна

группа приехала в Ньередьхаза. Советским ребятам показали новые фабрики, построенные при народной власти, были сказаны хорошие слова о дружбе.

Но какая же встреча проходит без спортивных состязаний? И вот, когда дело дошло до футбола, возникло серьезное за-

Это рассказ об одном венгерском вратаре, который еще не получил международной известности, хотя, как нам кажется, некоторые основания для этого имеет. Зовут его Ласло Хорня. Возраст — пионерский. Учится в четвертой школе города Ньередьхаза.

труднение. Выяснилось, что вратарь ужгородских пионеров встречается у себя дома венгерских гостей и, по одним источникам, как раз в это время должен показывать им Закарпатскую детскую железную дорогу, а по другим — разжигать

костер на горе у старинного замка. Так или иначе, а вратаря не было. Как же вышли из положения? Об этом рассказывает участник встречи Юрий Ван:

— Когда с четвертой школой города Ньередьхазы мы решили сразиться в футбол и у нас не

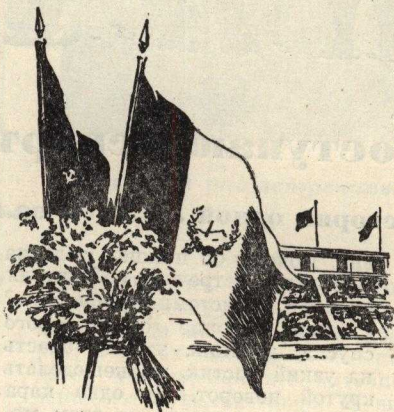
оказалось вратаря, в наши ворота стал Ласло Хорня. Венгерские ребята сказали, что он защищал наши ворота даже лучше, чем на первенство своей школы. Тогда Ласло засмеялся и сказал по-русски:

— Их ворота — мои ворота!

Самый лучший бросок Галины Зыбиной

На городском стадионе румынского города Клужа — большое событие: здесь впервые принимают советских гостей-легкоатлетов. Их встречают бесчисленными букетами цветов — и полевыми, и выращенными в садах. Цветов столько, что, проходя «круг почета», каждый спортсмен несет целую душистую охапку. Но когда наши спортсмены поравнялись с высокими трибунами, запасы букетов стали быстро таять. Советские легкоатлеты дарили их румынским друзьям-зрителям, собравшимся на праздник. Все первые ряды расцвели. Мужчины вдевали подаренные цветы в петлички костюмов, женщины прикалывали к прическам или прикрепляли к платью. Но всё это только в первых рядах — дальше цветы дружбы не попадали.

Наверху, как веселая птичья стайка, аплодируя, подпрыгивая,

кричали слова приветствия самые отчаянные болельщики-ребята. В руках Галины Зыбиной остался большой букет красных

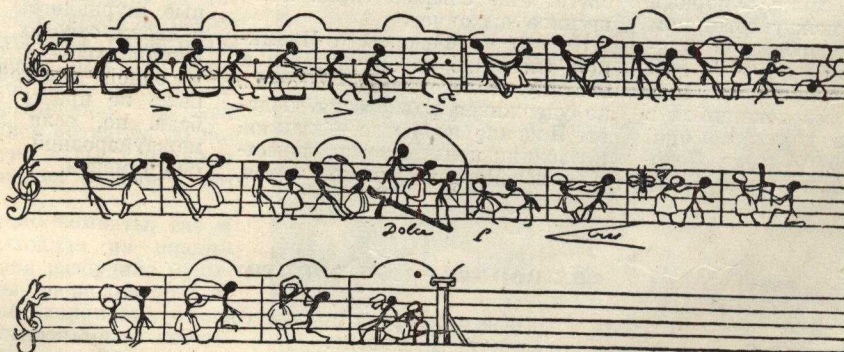
гвоздик. Она взглянула на верхние ряды и улыбнулась. Не так давно и она была пионеркой — председателем совета дружины. Решение пришло неожиданно. Зыбина выбежала из строя, размахнулась и с громадной силой метнула букет зрителям верхних рядов. Великолепный бросок, достигший цели!

Трибуны поняли этот жест и бурно одобрили его. А букет, разобранный на отдельные гвоздики, заалел на десятках рубашек юных зрителей.

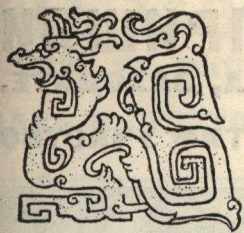
Галина Ивановна Зыбина двенадцать раз улучшала мировой рекорд в толкании ядра; имя молодого заслуженного мастера спорта известно как имя победителя XV Олимпийских игр в Хельсинки. Но когда Галину Ивановну спросили о самом замечательном ее броске, она, не задумываясь, рассказала про случай в Клуже.

Л. Никольский

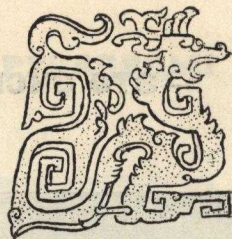
НЕОБЫКНОВЕННЫЕ НОТЫ

Один композитор решил написать ноты не так, как пишут все. Попробуйте сыграть мелодию, которую с таким увлечением исполняют сами нотные значки.

КИТАЙСКИЕ БАСНИ

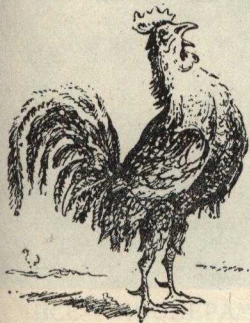
Китайская народная мудрость — точно так же, как китайская настойчивость, китайское трудолюбие, китайский художественный вкус — давно уже вошла в поговорки народов всего мира.

Она проявилась не только в метких пословицах, чудесных сказках, правдивых и поэтических легендах, но и в прозаических народных баснях.

ГОВОРИТЬ ТОЖЕ НАДО УМЕТЬ С ПОЛЬЗОЙ

Цзы Цинь спросил своего учителя Моцзы: — Учитель, если человек обладает даром слова, хорошо это или нет?

— Если он говорит слишком много, — отвечал Моцзы, — то в этом нет никакого проку. Вот, например, болотная лягушка целый день квакает. До того старается, что даже глотка пересыхает, а на нее все равно никто не обращает внимания. А петуху в курятнике достаточно три раза кукарекнуть, и все уже знают: скоро рассвет. Поэтому, если уж говорить, так надо говорить с пользой!

НАДО ПОМОЧЬ РОСТКАМ

Жил один беспокойный человек. День и ночь думал он, как бы заставить хлеб на полях расти быстрее. Но хлеб, словно на зло ему, попрежнему созревал медленно.

Наконец, ему в голову пришла счастливая мысль. Он отправился в поле и начал потихоньку вытягивать один за другим ростки из земли.

Проработав так целый день, он очень усталый вернулся домой и сказал домашним:

— Вот видите, я трудился, как вол, но зато по крайней мере все ростки стали значительно выше!

Его сын тотчас же бросился в поле, чтобы собственными глазами посмотреть на чудо. Но когда он взглянул на ростки, то увидел, что они уже совсем завяли.

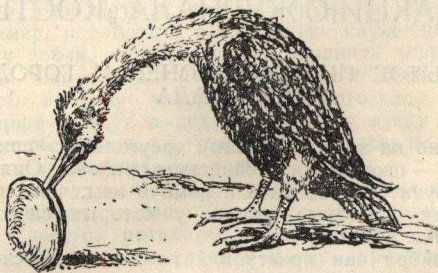
УСТРИЦА И ПТИЦА-РЫБОЛОВ

Однажды речная устрица лежала на песчаной отмели и, раскрыв створки раковины, грелась на солнышке.

В это время мимо проходила птица-рыболов. Заметив устрицу, она подбежала к ней и запустила клюв в раковину, рассчитывая полакомиться устричным мясом. Но устрица быстро захлопнула створки раковины, и клюв птицы оказался крепко зажатым.

Поддаваться друг другу обоим не хотелось.

— День, два дня не будет дождя, — говорит птица-рыболов. — Воды нет, обратно в реку не вернешься, вот и умрешь тут!

— А если я тебя не отпущу, день не поешь, два не поешь, — смотришь, и тебе не жить! — говорит устрица.

Долго спорили устрица и птица-рыболов. В это время проходил рыбак и голыми руками взял их обоих.

Перевел В. Семенов

МЫ ПРИШЛИ — ЭТО ЭКСКУРСИЯ? — спросили нас. — ПОЖАЛУЙСТА, ЗАХОДИТЕ. МЫ ПИОНЕРЫ И ХОТИМ УЧАСТВО

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА „КОСТЁР“

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПИОНЕРАМ ГОРОДА ЛЕНИНГРАДА

Недавно на завод «Красный треугольник» пришли пионеры — школьники Ленинского района. Они решили поучиться работать и помочь нам, чем могут. Это были серьезные ребята, у которых слово не расходится с делом.

3 сентября они приступили по нашей просьбе к работе на строительной площадке жилого дома по Лифляндской улице.

Пионеры уложили в штабели привезенные материалы, убрали мусор и навели порядок на площадке. Несколько мальчиков пошли работать в столярную мастерскую строительства жилого дома № 2/4 на Лифляндской улице. Мы с радостью встретили их, дали помещение, инструмент.

Начинание пионеров Ленинского района полезное, хорошее. Ребята и нам помогают, и сами приобретают ценные навыки.

Коллектив завода от всего сердца благодарит пионеров за добрую помощь и желает им больших успехов в учении.

Ребята, поддержите начин своих товарищей!

Парторг ЦК КПСС на заводе ДРОЗДОВ

Зам. директора завода

«Красный треугольник» МОСКОВЧЕНКО.

Мастер-строитель т. Демин рассказывает:

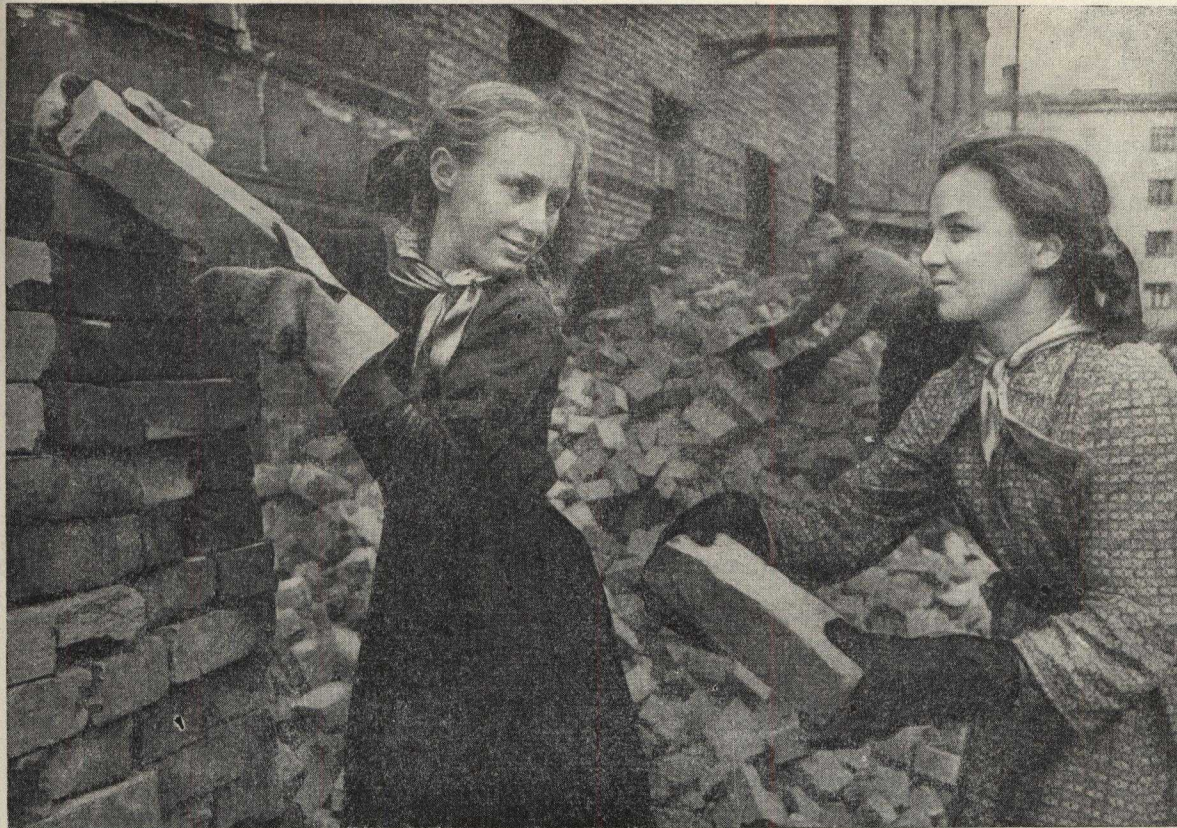
— Сначала работа не ладилась: все бросились хватать кирпич. Толкотня, визг. Но вот ребята построили шесть цепочек. Кирпичи из груды, как по конвейеру, пошли из рук на руки. Добежит кирпич до края цепочки, его подхватит укладчик. Укладчики, мальчики и девочки, ловко складывали, связывали кирпичи в штабели.

Через полтора часа половина кирпича была сложена. На другой день смена закончила всю работу.

Площадка чиста и просторна. Ничто теперь не мешает въезду автомашин. Строительство дома идет полным ходом.

НА ЗАВОД

**—НЕТ, НЕ ЭКСКУРСИЯ,—ответили мы.—ДАЙТЕ НАМ РУКАВИЦЫ!
ВАТЬ В ШЕСТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ!**

ВСЕМ ПИОНЕРАМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Дорогие друзья!

Кончилось лето, опять мы в школе. И как-то особенно тянёт учиться, работать. Поглядишь вокруг — везде кипит труд. Что ни день, слышишь по радио: «Пушена мощная гидростанция...» «На Алтае снят высокий урожай...»

Тысячи комсомольцев уехали на целину, на Ангари. А мы, пионеры? Разве не хочется и нам испытать свои знания в труде? Конечно, не на целине. И на Ангари нас никто не пошлет. Но ведь и рядом со школой сколько дел! Как хорошо будет, если мы по-комсомольски станем и учиться, и работать.

Мы, пионеры Ленинского района города Ленинграда, захотели стать помощниками взрослых в шестой пятилетке. Мы подружались с рабочими завода «Красный треугольник», и они охотно предоставили нам работу.

Дорогие друзья! Мы пока еще сделали очень мало: расчистили площадку для стройки жилого дома. Теперь наши отряды будут каждый день сильно выполнять и другие поручения. Интересно, поработать в питомнике служебно-сторожевых собак, которые будут охранять территорию завода. Скоро наши отряды начнут сажать деревья и кусты во дворе заводского детского сада. Ребята постарше пойдут в цеха готовить к пуску станки. Найдется занятие и токарям, и слесарям. Много разных нужных дел впереди!

Дорогие друзья! Мы обращаемся к вам с просьбой поддержать наше предложение: помочь взрослым в шестой пятилетке. Нас, пионеров, много, и вместе мы сможем сделать много хорошего.

Мы просим редакцию «Костра» открыть в журнале отдел: «Пионеры — шестой пятилетке».

По поручению пионеров Ленинского района города Ленинграда

Г. Толубеев, Г. Виноградов, Л. Филиппова,
Г. Фомин, П. Павлов.

ВОРОТА В МИР

На вклейке рисунок В. Кочегуры

Есть в Ленинграде место, от которого можно начинать путешествие в любую точку земного шара: в Одессу и Владивосток, Калининград и Шпицберген, Стокгольм и Кантон.

Это место — Ленинградский морской порт. Каких только не увидишь здесь кораблей и флагов! Чего только не привозят к нам и не увозят в далекие, далекие страны!

Плотно прижались к причалам белоснежные и черно-белые океанские гиганты. Это — сухогрузные теплоходы и пароходы. А рядом с ними могучие лесовозы и рефрижераторы, приземистые танкеры, морские рыболовы — траулеры, паровые шхуны.

На корме каждого корабля, рядом с его именем можно увидеть название порта, к которому он приписан. Читаешь эти названия — и перед тобой все страны, точно на гигантском глобусе!

«Щецин», «Саутгемптон», «Констанца», «Берген», «Рейкьявик», «Коломбо», «Бомбей». Много морей и океанов прошли эти корабли, пока не приплыли к нашим берегам, много пережили жестоких бурь и штормов. Смотришь на них и кажется, будто сам побывал там, откуда они пришли и куда завтра уйдут снова.

Корабли в гавани. Никакие штормы здесь не страшны дальним пришельцам.

И всё же в порту вовсе не тихо. Раскати-сто воют сирены работяг-буксиров на рейде. Дёловито гудят снующие в разных направлениях автопогрузчики. Глухо шумят, медленно и с достоинством передвигаясь по рельсовым путям, портальные краны. Кричат чайки, требуя от корабельных коков очередной подачи.

Даже ночью не прекращается жизнь в порту — на его бесчисленных асфальтированных дорогах, в пакгаузах и холодильниках. И всюду грузы, грузы и грузы. Лес и сахар, хлопок и зерно, станки и автомобили. Машин больше всего. Они тщательно упакованы в крепкие, ладно сбитые ящики.

— Голландец идет, — говорит стивидор — мастер по погрузке, показывая на большой корабль под голландским флагом, прибли-

жающийся со стороны Морского канала. — Куда его денут, — ума не приложу!

И в самом деле, кажется, новому пришельцу не найти места. У причальных стенок яблону негде упасть. Суда стоят впритирку, нос к корме, образуя целые рощи высоких мачт.

Но это только кажется. Быстро нашлось место не только голландцу, но и пришедшему вслед за ним аргентинскому «кунцу» — так здесь называют торговые суда.

Ленинградский порт огромен. Сразу он может принять десятки кораблей. И только за один час погрузить тысячи тонн грузов.

Но сколько для этого нужно грузчиков?

Оказывается, совсем немного. Поэтому здесь почти не видно людей. А корабли всё грузятся и грузятся...

— Майна, — раздается команда. — И огромная «рука» портального крана кладет в широкий люк трюма ковш-грейфер с углем. В нем — семь тонн. Семь тысяч килограммов!

— Вира! — снова командует стивидор, — и «рука» становится похожей на огромные стальные челюсти. «Челюсти» движутся к высокому холму из угля на берегу и захватывают новую семитонную порцию.

В ленинградском порту есть краны, которые легко поднимают паровозы и автомобили, «пакеты» смолистых досок и огромные «охапки» тяжелых бочек.

А как быть, например, с нефтью — ее ведь краном из танкеров не выкачаешь?

Не беспокойтесь! О нефти позаботятся особые насосы. По толстым трубам они ее спокойно «высосут» в специальные хранилища, устроенные на берегу.

Хорошо помогают машины работникам Ленинградского порта. Людям же остается только управлять ими да заботливо ухаживать за своими умными и послушными механическими друзьями.

Иностранные моряки любят, охотно посещают Ленинградский порт — один из лучших портов мира. Это не только ворота в мир, но и зеркало страны, которой он принадлежит.

Е. Поляков

С. КИРОВ
ЛЕНИНГРАД

В О Б Л А К А Х

На вклейке рисунок В. Свешникова

Днем и ночью по радио можно услышать сигналы, предупреждающие о штормах и морозах, туманах и метелях.

«Всем судам в Охотском море! Всем командирам воздушных кораблей! Примите штормовое предупреждение: ветер силою 10 баллов, видимость малая...»

Все, кто в пути, остерегайся!

Кто же это заглянул в будущее, предупреждая капитанов судов, летчиков, рыбаков, работников железных дорог? Как научились люди угадывать погоду?

Уже в середине прошлого века старый «морской волк», контр-адмирал Британского флота Роберт Фицрой, тот самый, что плавал на знаменитом корабле «Бигль» и был другом Чарльза Дарвина, попробовал предсказывать погоду. Тогда уже появился телеграф и стало возможно быстро узнавать о силе и направлении ветра, давлении и температуре воздуха в местах, расположенных далеко от Англии.

Фицрой отмечал на карте пути, по которым двигались с полюса массы холодного воздуха, а с экватора — теплого. Потом он стал предсказывать, когда и с какой скоростью налетят они на берега Англии. Старый адмирал предупреждал своих друзей-капитанов, которые готовились выйти в море из Лондона и Ливерпуля, Манчестера и Фальмута, о сильных штормах и туманах.

Фицрой часто ошибался. Мало было тогда на земле мест, в которых наблюдали за погодой. Люди не умели еще подниматься над землей, заглядывать в верхние слои атмосферы. Над ошибками Фицроя смеялись многие начальники Британского адмиралтейства, и старый моряк, измученный насмешками высокопоставленных невежд, покончил жизнь самоубийством. Но служба погоды и штормовых предупреждений, основанная им, скоро нашла признание в Англии и во всех других странах.

Густая сеть метеорологических станций теперь покрывает нашу

планету. На Северном полюсе и в Антарктиде, на далекой Чукотке, на неприступных хребтах Памира работают люди, чтобы определить, какая будет погода в Москве или в Игарке, Ленинграде или в Кулундинских степях.

Люди узнали, что движение огромных масс воздуха над землей больше всего зависит от количества поступающей к нам солнечной энергии. Это она как бы перемешивает холодный полярный воздух с теплым экваториальным. Это она «делает» нашу погоду.

Чтобы лучше изучить «работу» Солнца, чтобы знать, как ведет себя воздух в верхних слоях атмосферы, люди стали забираться на высокие горы, подниматься в небо на стратостатах.

Много сильных и смелых разведчиков науки погибло, стремясь раскрыть тайны природы. В 1933 году, штурмуя одну из высочайших вершин Советского Союза, погибли альпинист Николаев и носильщик Джамбай Ирале. Отряд смельчаков поднимал на головокружительную высоту метеорологическую станцию. Гибель товарищей не остановила других, и станция была установлена на высоте 6850 метров.

Вслед за первым отрядом смельчаков на вершину Памира двинулись другие. Отвесными кручами и трудными тропами взбирались их караваны, чтобы там, на высоте четырех километров над уровнем моря, на «Крыше мира» основать постоянную гидро-метеорологическую обсерваторию.

Это было двадцать четыре года тому назад. Между хребтами «Петра Великого» и «Академии наук», среди льдов поселились первые зимовщики. Их было пятеро в приземистом доме с полукруглой крышей. Дом стоит на утесе, который далеко вдается в огромный семидесятикилометровый ледник. Девять месяцев в году ни один человек не может пробиться к домику обсерватории. Вести доходят до зимующих только по радио.

Свистят в оттяжках антенн и флюгеров ураганные ветры, четырехметровым слоем снега заносит всё вокруг бураны. Месяцами облака сырыми клочьями липнут к окнам, и ветер из узкой щели Кашал-Аякского перевала сотрясает приютившуюся здесь обсерваторию. Иногда даже начинает казаться, что крепления в конце концов не выдержат и дом рухнет в пропасть.

Но жизнь и работа в обсерватории не затихают ни на минуту.

Рано утром встает и готовит завтрак повар, сменяется дежурный метеоролог, начинает передавать в эфир очередную метеорологическую сводку радист.

В буран, туман и ураганный ветер два человека, связанные между собой веревкой, спускаются с утеса и замеряют по вешкам, воткнутому в лед, скорость движения ледника. В течение часа скопище льда проходит совсем короткий путь — два сантиметра.

Далеко-далеко внизу, в долинах Туркмении, течет одна из самых могучих рек Азии — Амударья. Она рождается здесь из медленно ползущего ледника. Вот почему так важно знать и его скорость и толщину.

С площадки перед домом обсерватории поднимаются на многие километры вверх радиозонды. Они сообщают зимовщикам о температуре, давлении и влажности воздуха в верхних слоях атмосферы.

Такая же работа ведется на многих других метеорологических станциях нашей страны. И скучные цифры специальных метекодов — результаты их наблюдений — каждый день передаются в институты прогнозов и метеорологические обсерватории.

А потом радио сообщает в эфир то тревожные, то спокойные сводки погоды: «Всем, всем, всем! Примите прогноз на завтра! Ожидается ветер силою... баллов... видимость... осадки...»

Виктор Конецкий.

БАТАГА ИЗ САН ЛОРЕНЦО

Марчелло Арджилли

Рисунки Н. Петровой

НАНДО УШЕЛ ОТ СТАРУХИ

Джованна сидела на уступе тротуара, обхватив руками колени и низко опустив голову. Десятка два негодующих ребят из Сан Лоренцо окружили ее. Ребята кричали, возмущались, размахивали кулаками. Среди них был и Марко, который только что вернулся с работы. Со вчерашнего дня гнев его не утих, а накалился еще больше.

— Я всегда считал тебя настоящим товарищем, а ты... Накануне состязания с Сан Джованни взяла и растратила деньги! Чем мы будем завтра играть? Ты понимаешь, что это значит? Мы опозорены! Мы станем посмешимся всего города! Как ты могла так поступить?

Джованна молчала, не поднимая головы. На руке ее красовался огромный синяк — след объяснения с матерью после поездки в Остию, к морю. А объяснение было тягостным.

— Где шлялась весь дець? — набросилась на нее мать. — Мы измучились от беспокойства...

Мать у Джованны была решительная женщина, упреки она пересыпала пощечинами и пинками. Всё это девочка стерпела молча. Что значили несколько пощечин по сравнению с гневом товарищей! Тем более,

что Джованна прекрасно понимала, — они правы. И всё же она ни о чем не жалела. Доведись еще раз, она поступила бы так же.

По правилам, Джованну следовало немедленно и навсегда исключить из ватаги. Но в глубине души каждый из бранивших ее ребят думал: не на себя же она истратила деньги! Ведь любой из них готов был на всё, чтобы доставить радость Нандо. Однако и молчать невозможно, ребятам просто необходимо было выместить на девочке горечь унижения, которое им завтра предстояло перенести.

Попытки Джиджино выступить на защиту Джованны еще больше распалили ребят. Особенно возмутился Марко. Ему самому было жаль Джованну, и он втайне обрадовался возможности обрушить гнев на кого-нибудь другого. Но вот беда — со вчерашнего дня, с той минуты, когда Джиджино осмелился сказать, что его не интересует футбол, Марко перестал разговаривать с ним. Чтобы выйти из положения, Марко обратился к помощи посредника.

— Беппоне, скажи этому человечку, чтобы он помалкивал, иначе я вышвырну его не только из команды, но и вообще из ватаги.

— Джиджино, — добросовестно повторил Беппоне, — Марко сказал, что если ты, человечек, не замолчишь, он вышвырнет тебя из ватаги.

Продолжение. Начало в №№ 1—3.

— А ты скажи ему, — закричал разъяренный Джиджино, — что еще неизвестно, подчинюсь ли я этому. Пусть попробует! Я дрался с Леонэ, а ведь он занял третье место в турнире новичков по боксу. И мне после этого бояться какого-то Марко!

Беппоне начал пересказывать ответ; Марко, окончательно выведенный из себя, перебил его:

— Скажи ему, Беппоне, что, если он сейчас же не замолчит, я суну его головой в фонтан и буду держать до тех пор, пока он не захлебнется.

Но расходившийся Джиджино схватил Беппоне за руку.

— Передай ему: раз он хочет драться, — я готов!

— Что вы ко мне привязались? — взмолился, наконец, Беппоне, которого противники чуть не разорвали надвое.

Джованна вскочила, как рысь.

— Хватит! — закричала она. — Я надедала беды, с меня и спрашивайте, при чем тут Джиджино!

Ребята начали успокаиваться. Джованна спохватилась:

— Я пойду. Мать послала меня за колбасой. А вообще-то она велела мне три дня сидеть дома.

Девочка уже повернулась, чтобы уйти, но тут путь ей преградила Луиза, которая до сих пор стояла в стороне с тремя своими подружками, выжидая, как повернутся события...

— Отдай мои восемьдесят лир. Мне нужно купить губную помаду. Хочешь быть щедрой — трать свои деньги, а не мои.

— Мерзкая кривляка! — вспыхнула Джованна и угрожающе шагнула к ней. — И ты еще думаешь попасть в ватагу! Да если ты сейчас же не прикусишь язык, я распишу тебя так, что ты станешь красоткой без всякой помады!

Джиджино и Раджоньере, как могли, успокаивали Джованну. Испуганная Луиза, боясь за свое новое платье, поспешила удалиться.

Среди всей этой суматохи и шума вдруг откуда-то послышался крик. Все обернулись. Кричал Чезаре. Размахивая руками, он бежал в своей белой официантской курточке от трамвайной остановки.

— Ребята! Сюда, скорей! Наверно, случилось несчастье!

Ватага бросилась ему навстречу.

— Слепой не пришел! Понимаете? — Чезаре задыхался от волнения. — Первый раз... Всегда приходил! С ним что-то случилось.

— Это старуха! — сказала Джованна. — Она вчера ужасно злилась, когда мы вернулись с Нандо.

— Скорей! — торопил Чезаре. — Вы не должны терять времени. А мне надо обратно в бар; если хозяин хватится, мне не сдобровать.

Марко выступил вперед и скомандовал:

— На поиски! За мной!

Ватага устремилась за своим вожаком. Откуда-то опять появилась Луиза и зашагала вместе со всеми.

На площади Чезаре свернул в сторону и постарался, как можно незаметнее, проскользнуть в бар. Ватага в растерянности остановилась у места, где обычно сидел Нандо. Марко отдал приказание:

— Ищите, спрашивайте, мы должны найти его! Вы — налево, ты, Беппоне, — направо, остальные — со мной!

Ребята рассыпались по окрестным улицам и переулкам.

Никто не знал, где жил Нандо. Приходилось надеяться на случай.

Джованна еще с минуту простояла у театра. Она стиснула зубы, чтобы не заплакать.

Пертика в это время пересекал площадь. На светофоре зажегся зеленый фонарь, но мальчик не остановился. Регулировщик движения крикнул ему с тротуара:

— Назад! Видишь, зеленый сигнал, — сейчас двигаются только машины!

— Я тоже машина! — крикнул Пертика на бегу. — А вот и номер! — и он указал на заплату, украшавшую его штаны.

Ребята расспрашивали торговцев, ночных сторожей, прохожих, проверили все прилегающие улицы.

Близился вечер. Никаких следов Нандо обнаружить не удалось. Раджоньере, Пертика и Марко, как было условлено, сошлись снова на площади.

— Неужели с ним стряслось что-нибудь? — озабоченно говорил Марко. — В газетах пишут о разных преступлениях... Не убила ли его старуха?

— Айда в полицию, расскажем комиссару, — предложил Раджоньере.

— С ума ты сошел! — возмутился Пертика. — Полиция — везде полиция, в какой квартал ни пойдешь. Они друг от дружки знают всё и обо всех. Чего доброго, еще арестуют нас за фонари, которые мы разбили в прошлом году в Сан Лоренцо.

— Пертика, прав, надо действовать своими силами, — решил Марко. — Обыщем еще раз улицы.

Поиски возобновились. Марко выскочил с разбега на широкую улицу, которая вела к реке. Улица была тихая, прохожие шли неторопливо. Запыхавшийся Марко совался то к одному, то к другому с тем же вопросом:

— Извините, не видели ли вы где-нибудь слепого мальчика?

Некоторые прохожие смотрели на него с недоумением и отрицательно качали головой, большинство — совсем не отвечали и молча шли своей дорогой.

— А ну вас к дьяволу! — бормотал сердито Марко. — Ни до чего вам дела нет. — И бросался к следующему...

Он уже потерял всякую надежду на успех и только для очистки совести подошел к какому-то толстяку. Вдруг через плечо этого толстяка он увидел в конце улицы Нандо!.. Худенький беспомощный мальчик одиноко шел с книгой подмышкой, пробираясь ощупью вдоль стены.

— Нандо! — крикнул Марко.

Он рванулся к слепому, расталкивая прохожих. Подбежав к Нандо, Марко обнял мальчика, поднял его, — ох, какой же он легкий! — прижал к груди.

— Нандо, дорогой, что с тобой случилось? Мы так испугались за тебя! Ты здоров?

Нандо, запинаясь, сказал:

— Я убежал от старухи.

Он весь дрожал, и, казалось, вот-вот расплачется. Измученное лицо его было бледно, плащ измят больше обычного.

— Убежал?.. Почему же ты не пришел к нам?

— Я искал вас... Я не мог больше оставаться с ней.

— Ну, и правильно. Вся ватага ищет тебя. Они где-то здесь.

Сунув в рот два пальца, Марко пронзительно свистнул. Издали слышались ответные свистки, и вскоре ребята окружили слепого. На мальчика посыпались вопросы. Каждый старался сказать ему доброе слово.

— Веселей, Нандо, теперь мы с тобой!

— Мы сбились с ног, разыскивая тебя. Ну, и задал же ты нам страху!

— Как ты сумел дойти сюда один?

Чувствуя, что он среди друзей, Нандо принялся рассказывать.

Вчера вечером старуха набросилась на него, как настоящая ведьма. Напрасно Нандо пытался защититься от побоев, — каждая его попытка только усиливала ярость старухи.

— Я не спал всю ночь, — рассказывал Нандо. — Всё думал о своей жизни. Что в ней хорошего? Одни унижения и побои. И вот я решил покончить с этим. Рано утром, когда старуха еще спала, я убежал. Потом я блуждал по улицам целый день. Мне хотелось добраться до Сан Лоренцо, но я боялся расспрашивать прохожих, — ведь я не вижу, кого спрашиваю. И хотя я шел много часов, мне всё время казалось, что вы где-то близко. Я ждал вас...

— Что же ты будешь делать теперь? — спросил Пертика.

— Что?! Чорт побери, он пойдет ко мне! — крикнул Джиджино.

Марко побагровел от гнева. Он схватил Беппоне за руку и толкнул его к Джиджино.

— Скажи ему, что здесь команду я! Нандо пойдет ко мне.

— Беппоне! — не замедлил с ответом Джиджино. — Скажи ему: ничего подобного, Нандо пойдет ко мне!

Растерянный Беппоне не знал, куда поворачиваться.

— Марко, — смущенно пролепетал он. — Нандо должен идти к Джиджино.

— Что-о? — взревел Марко. — Ты становишься на его сторону? Я тебе покажу, шенок!

— Но ведь я только повторил то, что сказал Джиджино...

Дело оборачивалось плохо. Сбитый с толку криками и угрозами противников, Беппоне совсем запутался.

Нандо, до сих пор стоявший молча, вдруг заговорил:

— Что случилось? Вы так странно разговариваете друг с другом. Вы поссорились?

— Хо! — презрительно хмыкнул Марко. — Я просто вышвырнул его из команды, а сейчас он вылетит из ватаги.

— Значит, вы всё-таки поссорились? — спросил удивленный Нандо. — Почему?

Этот наивный вопрос поверг всех в смущение. Джованна в упор посмотрела сперва на Джиджино, потом на Марко и показала им кулак. Это значило: «Горе вам, если расскажете про деньги и мяч! Нандо не должен знать ничего!»

— Почему... — пробормотал Джиджино. — Собственно говоря, причин-то нет...

Тогда Нандо повернулся к Марко.

— А ты, Марко, что скажешь?

— В самом деле, Нандо, серьезных причин нет.

— Если всё так, как вы говорите, почему же вам не разговаривать? Пожмите

друг другу руки. Ну, давайте свои правые руки!

Нандо торжественно соединил руки Джиджино и Марко. Два противника несколько мгновений смотрели друг на друга исподлобья и вдруг рассмеялись.

— Вот и хорошо! — воскликнул весело Нандо. — Теперь, когда вы помирились, ты, Марко, конечно, примешь Джиджино обратно в команду.

Марко всего даже передернуло.

«Никогда!» — хотел он крикнуть на всю улицу, но улыбка Нандо обезоружила его. Поэтому он процедил сквозь зубы:

— Ладно... пусть играет...

Джованна захлопала в ладоши.

— Ура! Мир восстановлен. А что касается Нандо, то он пойдет ко мне. У нас комната большая. Всем хватит места, — и чуть потише добавила: — Маму я уговорю.

Ватага быстрым шагом направилась в Сан Лоренцо. Издали она направила торжественное шествие: во главе шли Джиджино и Марко, держа под руки Нандо; за ними следовали все остальные.

Джованна жила в нижнем этаже. У освещенных окон ее дома ватага остановилась. Девочка нерешительно стала прощаться.

— Ты уверена, что твои родители не будут бранить тебя? — озабоченно спросил Марко.

— За Нандо не будут, — ответила тихо Джованна. — А вот за колбасу... не знаю. Я ведь должна была принести ее три часа тому назад. А я ее так и не купила.

Джованна взяла Нандо за руку.

— Пойдем. Здесь всего несколько ступенек, — мы живем в первом этаже. Не бойся: моя мать только с виду суровая, а на самом деле добрая.

Когда они скрылись за дверью, ватага застыла на месте, вытянув шеи. Каждому хотелось заглянуть в окно, посмотреть, что будет дальше.

Мать Джованны, школьную сторожиху Антонию, ребята знали хорошо. Не раз она драла их за уши, когда они поднимали возню в школьном коридоре. Все сочувствовали Джованне. Даже Луиза, давнишний ее недруг, сказала:

— Всё-таки она смелая, эта Джованна. А насчет восьмидесяти лир на губную помаду я просто пошутила...

Кто-то шикнул на Луизу. Ребята прислушались, затаив дыхание. Вот робко звякнул колокольчик. Вот скрипнула, открываясь, дверь... Затем раздался крик:

— Где шлялась столько?! А это кто?

«Ну, сейчас прогонит», — думали ребята. Они уже представляли себе, как синьора Антония засучивает рукава. Но, странное дело, ничего больше не было слышно.

Прошло пять минут. Встревоженная ватага напряженно ждала...

Вдруг отдернулась занавеска, и в окне показалось раскрасневшееся лицо синьоры Антонии.

— А вы чего дожидаетесь? — крикнула она. — Марш по домам, бездельники. Уж не думаете ли вы, что я позволю увести из моего дома такого мальчика, как Нандо?

Окно с шумом захлопнулось.

— Всё в порядке! Ура! — Джиджино даже подпрыгнул от радости.

Счастливые, ребята разошлись по домам.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ДЕНЬ МАТЧА

В воскресенье к половине десятого вся ватага собралась у калитки футбольной площадки. На сегодня был назначен матч с санджованцами.

Пришла и Джованна. Она вела за руку Нандо. Мальчик был неузнаваем: волосы гладко расчесаны, неизменный старенький плащ отглажен.

Утром Джованна совсем было собралась потихоньку улизнуть, но мать схватила ее за шиворот.

— Нечего сказать, хороша хозяйка! Сама уходит, а гостя бросает одного. Да есть ли у тебя совесть, девчонка; смотри, какой сегодня солнечный день!

Пришлось Джованне взять с собой Нандо.

Ребята были обескуражены. Они обрадовались Нандо, но в то же время прекрасно понимали, что сегодня ему здесь не место.

Марко, отведя Джованну в сторону, сказал:

— Что это ты вздумала привести Нандо? Не знаешь разве, что скоро придут санджованцы? Во-первых, Нандо может всё узнать, во-вторых, неизвестно, как повернется дело.

Девочка робко развернула принесенный с собой пакет.

— Марко, посмотри, нельзя ли вот этим... Я шила его всю ночь...

И Джованна показала безукоризненно сшитый мяч из тряпок. Марко покачал головой.

— Нет, таким играть нельзя. Это тебе не тренировка, а состязание. Нужны настоящая площадка и настоящий мяч.

В это время владелец площадки хмуро вышел из калитки. Он уже знал, что сегодня, несмотря на воскресенье, его площадка будет пустовать.

— Из-за вас я потерпел убыток в пятьсот лир, — ворчал он, поворачивая ключ в замке. — Надо заранее предупреждать. Если денег в кармане не водится, нечего морочить голову порядочным людям!

Ребята горестно молчали.

— Ничего не поделаешь, — сказал Марко, глядя вслед удаляющемуся хозяину, — мы опозорены. Остается приготовиться к тому, что нас поднимут на смех. Впрочем, будем надеяться, — задумчиво добавил он, — что Леонэ не станет слишком горячиться.

Все понимали, что оправдаться перед санджованцами будет трудно. Хотелось только одного: чтобы унижительное положение, в котором они оказались, так или иначе разрешилось как можно скорей.

Нандо чутьем угадывал что-то неладное и старался понять, в чем дело.

— Ничего особенного! — пробовал успокоить его Марко. — Не пойти ли тебе прогуляться с Джованной?

— Нет, мне хочется остаться с вами, — ответил Нандо.

Как обычно, сбор ватаги не обошелся без Луизы. Она пришла в сопровождении трех своих подружек, которые с восхищением обсуждали ее новое нарядное платье. Джованна неприятно оглядела Луизу.

— Ты всё лезешь в ватагу? — сказала она. — Для этого надо поменьше изображать из себя синьорину. Впрочем, посмотрим, как ты будешь вести себя, когда придут санджованцы.

Весть о приближении противника была доставлена тем, кого меньше всего ожидали увидеть здесь. Это был не кто иной, как Чезаре.

Сначала его даже не узнали. Куда девалась его изящная белая официантская курточка, пестрый галстук, безукоризненный пробор и даже изысканные манеры? В своей поношенной одежде он не отличался теперь от других санлоренцийцев.

Издали завидев ватагу, Чезаре помахал рукой и пустился бежать к своим друзьям.

— Ты разве не работаешь сегодня? — удивилась Джованна.

— Меня уволили, — просто сказал он. — Хозяин заметил, что я вчера ушел к вам, и прогнал...

— Плохо дело, — посочувствовал Марко. — Ты ведь хорошо зарабатывал в баре.

Ребята были искренно огорчены. Они знали, что Чезаре дорожил своей службой. Но Чезаре невесело рассмеялся.

— Что вы! Со мной обращались, как с собакой. Хозяин только и знал, что орать на меня. Старшие официанты, вместо того, чтобы делить чаевые поровну, швыряли мне вечером после дележки всего триста лир. А у меня дома трое маленьких братьев и отец без работы.

Ребята с удивлением смотрели на него. Ничего подобного они и не подозревали, — ведь гарсон всегда так хвастал своим хорошим местом.

Чезаре понял их замешательство и дружески хлопнул Марко по плечу:

— Ладно уж, признаюсь, что я наговорил вам много лишнего о своей работе. Сказать по совести, я даже рад, что меня вытрянули: найду местечко получше.

То, что ребята узнали о Чезаре, сразу сделало его своим.

— А нам-то казалось, что ты строишь из себя барчука, — сказал Пертика.

— Как бы не так! Я из района Трастевере. Там такие же ребята, как и у вас в Сан Лоренцо. Только крепкой ватаги никак не

сколотить. Кстати, проезжая в трамвае, я видел десятка три ребят, они идут сюда. Не ваши ли?

Все встрепонулись и озабоченно взглянули на Марко.

— Это они... санджованцы! — воскликнул Марко, сжимая кулаки.

Словно электрический ток пронизал всех. Джованна и Луиза бросились к Нандо, который в стороне о чем-то болтал с Раджоньере.

В этот момент из-за угла показался Леонэ. За его спиной болтались на шнурках футбольные бутцы. Следом с заносчивым видом шагала вражеская команда. Почти у всех тоже были бутцы, а вратарь щеголял даже наколенниками и перчатками.

— Ровно десять... Пора начинать, — сказал Леонэ, подходя к Марко. — Моим ребятам не терпится поскорее забить вам дюжину голов.

— Дюжину? — подхватил один из санджованцев. — Мы забьем три дюжины, а к себе не пропустим и одного.

Марко стоял, кусая губы.

— Леонэ, — начал он, — у нас случилось несчастье...

Джованна поняла, что наступила минута решительного объяснения, и попыталась увести Нандо. Но мальчик, всегда такой сговорчивый, вдруг уперся. Он услышал незнакомый, резкий голос. Это был голос Леонэ:

— И вы смеете называться ватагой? Вы просто шайка трусов, молокососов! Вы сами вызвали нас на соревнование, а теперь отказываетесь. Опять истратили на что-то свои деньги? Нам это надоело!

— Кто это? — спросил Нандо. — О каких деньгах он говорит?

— Он шутит. Пойдем отсюда, сделай это для меня, — умоляла Джованна.

Странное, никогда не виденное ею выражение на лице слепого приводило ее в отчаяние.

Тяжелое предчувствие охватило Нандо. Что значили эти возбужденные чужие голоса, что значили эти разговоры о деньгах? Что-то нехорошее произойдет сейчас.

— Говори тише, Леонэ! — процедил Марко.

«Они боятся, чтобы я не услышал», — подумал Нандо. И вдруг ему стало ясно: причина всего, что происходит, — он сам.

— Говорю так, как мне нравится, — заносчиво отвечал Леонэ. — Вы — шуты гороховые! Мяч на бочку!

— Погоди...

— Чего ждать? Пирожных, которые вы купите нам? Или других подарков?

Марко бросился на Леонэ. Но Леонэ, опытный в кулачных боях, уклонился от удара. Бросив на землю бутцы, он издал воинственный клич:

— Санджованцы, вперед! Проучим этих сопляков!..

В один миг полсотни ребят налетели друг на друга.

Нандо не видел ни Марко, сцепившегося с Леонэ в жестокой схватке, ни Пертики, который катался по мостовой с одним из санджованцев, ни Беппоне, поверженного на землю точным прямым ударом в подбородок, ни всех остальных, дравшихся, кто как мог. Зато он слышал ругательства, крики, удары и понимал, что вокруг творится что-то страшное!

Он весь дрожал. Вечный непроницаемый мрак, в котором он жил, стал вдруг незнакомым, угрожающим, полным безобразных смутных видений.

— Джованна! Джованна! — отчаянно закричал мальчик. — Останови их! Останови!

Джованна не ответила. Она увидела, что на Джиджино напали двое. Один схватил его за плечи, другой наносил удары кулаками. Прищурив глаза, девочка бросилась вперед.

— Луиза, Мария, Клементина, Леда! Ко мне! Покажем им, что такое женщины Сан Лоренцо!

Четверо девочек, жавшихся в испуге к стене, опомнились. Первой на помощь подоспела Луиза, позабыв о своем новом платье. За Луизой ринулись ее подружки. Пять девочек ворвались, как ураган, в сумятицу драки. Джиджино, которому приходилось совсем туго, вдруг оказался свободным. Это Джованна стремительно вцепилась одному из противников в волосы и бросила его на землю. В тот же момент Луиза и Мария схватили второго врага за ноги и дружным рывком опрокинули навзничь.

— Браво, Джованна! — закричал Джиджино. — Сан Лоренцо, вперед!..

И он в боевом раже бросился в самую гущу битвы. Куда девалась его недавняя робость! Он чувствовал себя почти гладиатором.

Преобразилась и Луиза. Растрепанная, с пылающими щеками, в изодранном новом платье, она дралась рядом с Джованной.

Даже Чезаре принял горячее участие в общем побоище.

Это было здорово! К сожалению, величественную сцену сражения наблюдали из окон

лишь несколько взрослых. Однако, судя по их неодобрительным крикам, они не оценили ее должным образом.

Джованна, успевшая не только раздавать направо и налево удары, но и зорко следить за превратностями битвы, заметила, что Марко лежит на земле, прижатый Леонэ и еще двумя санджованцами.

— Ах, вы так! — взвизгнула девочка и прыгнула на Леонэ.

Ударом головы в бок она опрокинула его. Но Леонэ тотчас же вскочил и залепил ей такую затрещину, что у Джованны посыпались искры из глаз. Она невольно вскрикнула от боли.

А Нандо стоял у стены, беспомощный, как корабль, севший на мель. Услышав крик Джованны, он, спотыкаясь, пошел на шум драки.

Вокруг него всё орало, кипело. Горестное сознание, что он слепой и не может помочь своей подруге, привело его в ярость. Наткнувшись на кого-то, он взмахнул рукой и в тот же момент получил сокрушительный удар в челюсть. Это Леонэ, задетый его кулаком, обернулся и, не глядя, ответил коротким точным хуком.

Нандо упал. Из его груди вырвался отчаянный вопль:

— Джованна!..

Он попытался подняться и не смог.

— Джованна, где же ты? Помоги мне...

Чьи-то руки обхватили и подняли его. Еще не слыша голоса, Нандо понял: это она!

Джованна прижала его к себе, чтобы защитить от ударов, и, задышавшись от гнева, пронзительно крикнула:

— Мерзавцы! Вы избили слепого!

Вмиг, как по волшебству, драка прекратилась. Все повернулись к ним. А Джованна, обвиняя бледного дрожащего мальчика, повторяла:

— Мерзавцы, вы избили слепого!

— Выдумывают! — отозвался один из санджованцев. — Эти трусы просто испугались. Вперед! Зададим им жару!

Леонэ, который оказался лицом к лицу с Нандо, растерянно смотрел в его глаза. Они были голубые, неподвижные, незрячие. Леонэ был потрясен.

— Стой! — крикнул вожак санджованцев. — Он в самом деле слепой...

К Нандо подбежали Джиджино и Марко.

— Кто тебя обидел?

Нандо с горечью ответил:

— Все вы обидели меня! Все...

Участники сражения, сразу растеряв весь воинственный пыл, опустили головы.

— В Сан Джованни! — скомандовал Леонэ и, вскинув за плечи бутцы, двинулся со своим отрядом в обратный путь.

Марко, Джиджино, Пертика, Раджоньере и Джованна, окружив Нандо, повели его прочь. Вдруг слепой мальчик остановился, схватил Джованну за руку и, приблизив лицо к ее лицу, сказал умоляюще и вместе с тем повелительно:

— Я хочу знать правду. Вы дрались из-за мяча? Из-за того, что истратили деньги на меня, на пирожные, на поездку к морю?.. Да? Джованна, ты должна сказать мне!

Девочка молчала. В отчаянии Нандо тряс ее руку и повторял:

— Я виноват во всем... Как я мог не понять? Но я исправлю. Я верну вам деньги...

— Успокойся, не надо, Нандо, — убеждала его Джованна. — Мы ничуть не жалеем, что истратили деньги на тебя. Не думай больше об этом.

— Я виноват, я... — твердил Нандо. — Я начну опять просить милостыню, стану плакать, вымаливать... Научусь делать всё, что не хотел... Я сумею разжалобить прохожих и верну вам деньги.

Этого санлоренцийцы не могли перенести. Душевная боль, которую испытывал Нандо, отзывалась в них гневом.

Марко погрозил кулаком в сторону Сан Джованни и закричал:

— Дорого заплатят они за всё!

— Война Сан Джованни! — хором ответили ребята. — Отомстим за Нандо!..

СКОРО НАЧНУТСЯ БОИ

Санджованцам была объявлена война. В ватагу каждый день принимали все новых и новых членов, а приток добровольцев не прекращался. Приняли в ватагу и Луизу, — все видели, как она вела себя во время боя.

— Я хочу только одного, — сказала она, — хочу заранее знать, когда придется драться: у меня не так уж много новых платьев.

Казалось, вернулись те легендарные времена, о которых любили вспоминать взрослые. Тогда распри между кварталами решались не на футбольном поле, а в кулачном бою.

Готовились основательно. Пертика, взяв с собой человек десять, отправился далеко за город, чтобы запастись «топпами». Склад боеприпасов устроили в замаскированной дровами канаве.

Марко ухитрился даже взять несколько уроков бокса на настоящей гимнастической площадке. Его устроил туда один из друзей, молодой боксер.

— Леонэ обучается боксу, — сказал Марко. — Ну, да я его догоню. Мне бы только узнать главные приемы. Тогда мы встретимся на равных правах.

Бокс пришелся Марко по душе. Всем и каждому он демонстрировал свое искусство.

Марко становился в позицию и начинал молотить кулаками по воздуху, приговаривая:

— Смотрите, вам это тоже надо знать. Раз, два!.. Левой в корпус, правой в подбородок... вот так! Удар без промаха. Попробуйте!

Раджоньере, Беппоне и Пертика наготовили кучу рогаток... Но не подумайте, что это прекрасное оружие мог получить каждый, кто хотел. Сначала нужно было пройти испытание и доказать свою меткость.

Чезаре теперь часто приходил в Сан Лоренцо. Джиджино познакомил его со своим двоюродным братом, пекарем, и тот обещал принять его на работу — разносчиком хлеба и булок. То ли из благодарности, а скорее просто по-товарищески, Чезаре обещал принять участие в решительном сражении. Он уже не носил белой куртки, перестал подчеркнуто вежливо кланяться и угодливо разговаривать, словом, стал настоящим санлоренцийцем.

— Скажу откровенно, — признался он, — у нас в Трастевере никогда не бывало таких больших дел.

Действительно, все обитатели Сан Лоренцо, разумеется дети, лихорадочно заканчивали последние приготовления. Взрослым, конечно, старались поменьше попадаться на глаза. О некоторых вещах им лучше совсем не знать.

— А как Нандо? Что он думает об этом? — спросил как-то Чезаре у Джованны.

Джованна молчала. Всем и каждому было известно, что Нандо стремился примирить враждующие стороны. Война уже объявлена, а он всё мечтает о дружбе между кварталами.

Если бы не Джованна, которая взяла с него страшную клятву, он немедленно рассказал бы все синьоре Антонии и ее мужу. Ведь они обращались с мальчиком, как с родным, и не делали никаких различий между ним и их собственной дочкой Джованной. Впрочем, разница все-таки была — Джованне частенько перепалили колотушки, а на мальчика, самое большее, — поворчат. Но и за воркотней синьоры Антонии Нандо чувствовал ее большое доброе сердце.

Он бы ничего другого не хотел, как всю жизнь прожить в этой семье, но родители Джованны были бедные люди, и Нандо это знал. Как-то вечером он подсел к синьоре Антонии и сказал:

— Мне очень хорошо у вас, но я должен сам зарабатывать себе на хлеб. Вот если бы я мог поучиться какому-нибудь ремеслу!..

Вскоре после этого разговора, пошептавшись с мужем, синьора Антония надела черное праздничное платье и куда-то отправилась. Уходя, она сказала Нандо с загадочным видом:

— Сегодня, может быть, я принесу тебе хорошие вести.

И, действительно, принесла их. Учительница школы, где работала сторожихой синьора Антония, рассказала ей, что недалеко от Рима, на берегу моря, есть училище для слепых. Им там хорошо живется, а главное — их обучают ремеслу. Правда, мест в училище мало, за учение надо дорого платить. Однако учительница обещала хлопотать.

Нандо был в восторге. Но радость его омрачилась надвигающимися грозными событиями. Он был одержим мыслью, что должен во что бы то ни стало помешать войне между Сан Лоренцо и Сан Джованни.

Чувство вины не оставляло его. Как ни старались друзья убедить его, что война с санджованцами — вопрос чести квартала, Нандо понимал, что ватага хочет отомстить за него. Мальчик только и твердил Марко, Джованне, Раджоньере:

— Я совсем не сержусь на них, Леонэ ударил меня нечаянно. Стоит ли ссориться из-за этого? Вы сами научили меня дружбе, а теперь хотите, чтобы я перестал в нее верить.

Однако ни Марко, ни Раджоньере, ни другие не сдавались:

— Ты не причем! Мы всё равно объявили бы им войну. Между нами не может быть мира. Ты, Нандо, просто мечтатель.

Наконец, приготовления были окончены. Перешли к мелким вылазкам. Сан Лоренцо граничил с кварталом Сан Джованни, их разделяла только полуразвалившаяся древняя римская стена. Попасть из одного квартала в другой можно было в двух местах, где в стене имелись широкие сводчатые проходы — остатки прежних крепостных ворот. Теперь у этих ворот неизменно торчали сторожевые пикеты враждующих станов. Ежедневно двое санлоренцийцев и двое санджованцев дежурили по обе стороны стены, в полусотне метров друг от друга. Можете себе представить, какими любезно-

стями они обменивались, чтобы скоротать время. Вечером пикеты снимали, так как к великому огорчению обеих враждующих армий, родители из обоих кварталов не позволяли бойцам опаздывать к ужину. А после ужина, опять-таки по мнению взрослых, полагалось ложиться спать.

Однако изобретательные санлоренцийцы использовали и это неудобство в свою пользу и ухитрялись совершать довольно часто ночные вылазки. Марко, Пертика и Джиджино тихонько пробирались на вражескую территорию. Оставались они там недолго и через какие-нибудь полчаса возвращались.

— Сегодня ночью, — докладывал Джиджино, — мы нарисовали шикарные усы мраморной статуе, что стоит около стены. Когда санджованцы увидят, они позеленеют от злости.

Ночные вылазки должны были унижить вражеский квартал и внести смутнение в ряды противника. Санлоренцийцы разрисовывали стены надписями вроде: «Леонэ — кролик», «Сан Лоренцо сильнее всех», «Сан Джованни — курятник». Даже мраморные доски с названиями улиц и площадей санлоренцийцы не оставили в покое. Например, на доске «Площадь святого Джованни» они приписали углем: ...«который никогда не бил слепых».

Санджованцев дразнили целую неделю.

В субботу вечером состоялось собрание ватаги. Следовало утвердить план нападения.

На этот раз Джованна ухитрилась оставить Нандо дома. Вернувшись, она тоже не проронила ни слова. Но Нандо понял все. Долгая дружба с отчаянной и хитрой ватагой научила его многому.

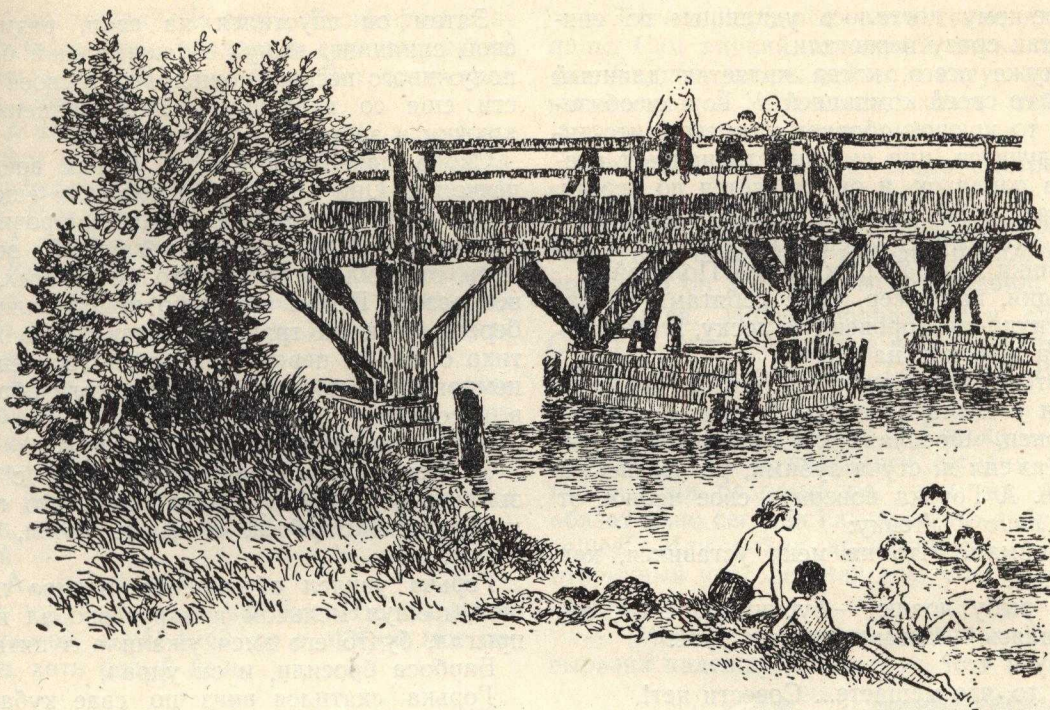
В этот вечер Нандо уснул не сразу. Синьора Антония ласково пожелала ему спокойной ночи и погасила свет, а он лежал и думал:

«Завтра воскресенье, все свободны. Они непременно воспользуются этим, чтобы начать свою войну. Я должен помешать им. Но как?»

Он снова и снова вспоминал отвратительную драку. Нет! Второй раз такое допустить нельзя!

«Все-таки, — продолжал он размышлять, — я лучше разбираюсь, что справедливо, а что несправедливо. Они видят, но не думают!»

(Окончание следует.)

ОСЬМИНОГ

Ю. Третьяков

Рисунки Ю. Лобачева

Самая глубина была у свай старого моста. А вся-то река по пояс да по колено. На дне чистенький желтый песочек, видны все камушки, ракушки и стаи пескарей. Сядешь в воде, замрешь на минуту — они и соберутся кругом, тычутся носом, чуть трогая тебя губами.

Крупной рыбы как будто не было, но все мальчишки верили: она есть, в каждой реке должна быть, только живет, наверное, в той самой яме, у моста — иначе, где же ей еще находиться? Там, по-соседству со склизкими от водорослей и бодяги сваями, и прячутся огромные щуки, язи в полруки, а может и сам сом, черный, усатый дремлет где-нибудь в темноте и ждет, когда его кто-нибудь поймает.

Но поймать его некому, кроме Тимки Утенка. Тимка так и знал: поймает и пронесет через поселок всем на зависть и удивление.

Сом — это не пескарь: ловить его полагалось особым способом. Такой способ Утенок знал. Он сам его изобрел. Вернее, он изобрел спиннинг. То есть не изобрел, а сильно усовершенствовал: вместо латунной блесны привязывал к крючку живую рыбку.

Потому что сом тоже не дурак — станет он есть железку! Живая приманка — другое дело; любой рыбе, не только сому, приятнее ловиться на живца, чем на железку. Пусть себе другие рыбаки-чудаки этого не знают. Сом попадется Утенку, не им.

Одно плохо: живцы, как сговорились, — сразу же умирать. Не успеет какая-нибудь самая жизнерадостная рыбешка попасть на крючке в воду и — готово — перевернулась вверх животом. Спасибо соседскому пацанишке Диму: тот удочкой, самой обыкновенной, ерундовой, таскал пескаря за пескарем и отдавал Утенку. Очень уж хотелось Диму поглядеть на живого сома.

Сом, конечно, был бы вытащен давным-давно, если б не множество людей, как будто сговорившихся этому помешать.

Во-первых, девчонки. Они приходили с утра, целыми толпами бултыхались в воду, барахтались, брызгались и визжали, визжали, брызгались и барахтались, — и так целый день. Мелководье кишело ими, как головастиками.

Маленькие ребяташки туда же: плевались с моста, кидали в воду щепки и камни. Прав-

да, кое-кому досталось удилищем по спине, — так сразу перестали.

Но хуже всего, когда является длинный Горька со своей компанией. У Горьки обязательно то крючок оборвется, то еще что-нибудь случится, или ему просто надоест глядеть на поплавок, и он слоняется по берегу, надоедает всем разговорами о разных книгах. А что ему сделаешь, если за него все мальчишки от Набережной до Полевой?

Сегодня, например, он с ребятами притащил откуда-то здоровенную доску, и все плавали на ней, как на лодке.

От этого сделались такие волны, что даже пескари у Дима перестали клевать.

Наконец, мореплаватели окончательно выбились из сил и, стуча зубами, разлеглись на припеке. А Горька повернул свое черное от загара лицо к Утенку:

— Поймал? Что на меня уставился, как Бармалей?

— Я рыбу ловлю, — буркнул Утенок, отворачиваясь, — а вы купаетесь тут...

— Ну и что?

— А то, что мешаете... Совести нет!

Горька подумал минутку и сказал:

— Это у тебя нет совести. Ты — кто? Речка — твоя? Речка общая. Если ты так говоришь, значит, ты — одиноличник.

И загорланил:

— Эге-гей! Смотрите сюда! Как обезьяны плавают! Сейчас покажу!

Горька нырнул, перевернулся в воде вниз головой, заболтал руками, ногами, всё нарочно, конечно. За ним полезли в воду и остальные ребята.

О сваи забились такие волны, что Утенок плюнул:

— Ладно. Увидим, кто «одиноличник». «Бармалей»! Сам-то ты и есть Бармалей, длинноногий чорт!

Он смотал свою снасть и ушел.

Но на следующий день опять был у моста. Солнце только всходило. Кругом — ни души. Лишь эскадра чых-то уток, с селезнем впереди, вытянулась строгой цепочкой к камышам на другой стороне реки.

Тимка подошел к телеграфному столбу и, оглядевшись, прилепил бумажку:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Милиция сообщает, что купаться в реке запрещено с 10-го июня, так как в реку заплыл осьминог. Купаться запрещено, особенно в глубоком месте. Штраф 100 руб.

МИЛИЦИЯ

Это всё сам Утенок сочинил и написал.

— Покупаетесь теперь! — сказал он, прихлопывая бумажку кулаком, — увидим...

Затем он спустился на сваи, размотал свой спиннинг, вынул из консервной банки полуживого пескаря, ожидавшего своей участи еще со вчерашнего дня, прицепил к крючку и забросил его в воду.

Скоро появилась стайка самых вредных девчонок. Они хохотали и визжали еще издали. Одна задержалась у столба, прочитала объявление и окликнула подруг. Те вернулись, столпились вокруг столба и загалдели все разом. Потом трусливо приблизились к берегу, сели на траве и уставились в воду, тихо о чем-то переговариваясь. Посидев так немного, они поднялись и побежали обратно в поселок.

Утенок самодовольно ухмыльнулся.

За девчонками прибыл и Горька с друзьями. Они вели купаться лохматого горькиного пса Барбоса, а он не хотел, упирался.

Горька увидел объявление, лениво подошел, глянул мельком и вдруг заорал и запрыгал, будто его змея ужалила в пятку Барбоса бросили, и он удрал.

Горька скатился вниз по свае кубарем, чуть Утенку на голову не сел:

— Тимка, читал, а? Видал, а?

Не больно-то хотелось Утенку с ним разговаривать, он кивнул — просто так. Горька ничего не заметил:

— Ты скажи! Осьминог! У нас — осьминог! Осьминог живой! Ты не знаешь, он еще никого не утаскивал? Нет?

— Почему я знаю...

Остальные ребята тоже забрались на сваи. Горька вертелся, вздыхал и, жмурясь, тряс головой: как будто это и вправду такое большое счастье — осьминог в реке. Но такой уж человек был Горька, читавший книги даже за едой.

— Осьминог! Как в настоящем море! Я ж о нем давно мечтаю! Теперь нам бы акулу, правда? Или лучше — пару акул. Как ты думаешь, Тимка?

Утенок подумал, что даже одного осьминога чересчур довольно, если б ему и в самом деле вздумалось погостить в этой реке, но согласился, что, конечно, хорошо добавить в реку и акулу, а пара акул — и еще лучше.

Остальные мальчишки не особенно радовались и молчали. Только Юрка, врачей сын, который и сам читал книги, и всегда с Горькой спорил, сказал:

— По-моему — ерунда это. Откуда он к нам попадет?

Утенок только начал придумывать, что бы такое соврать, но у Горьки уже готов ответ:

— Как откуда? Из моря. Географию знаешь? Наша речка впадает в другую, другая в третью, третья — в море... Вот он и приплыл. Очень просто.

— А что ему у нас делать?!

— Это уж он сам знает. Может, захотел попутешествовать. Или ему там у себя надоело. Или еще что. Откуда я знаю?

— А, может, он дальше поплыл...

— Куда он поплывет? — забеспокоился Горька. — Зачем? Не знаешь, а говоришь. Плохо ему у нас? Глубоко. Ямы есть. Вода чистая. Еды много.

— А что он ест? — спросил Вовка, который за всю жизнь прочитал только одну книжку — «Лягушка-путешественница» — и во всем верил Горьке.

— Ест? Что угодно. То есть все живое: кошек, собак, рыб, но больше всего любит людей.

— А... какой он?

Тут уж Горька разошелся. Что касается осьминогов, акул, змей, то о них он мог говорить хоть целый день.

— Восемь щупалец — это такие длинные лапы. Сам липкий, холодный, весь в присосках. Сидишь вот ты сейчас и вдруг: из воды высовываются щупальца, хватят тебя за ногу — и под воду. Запоешь!

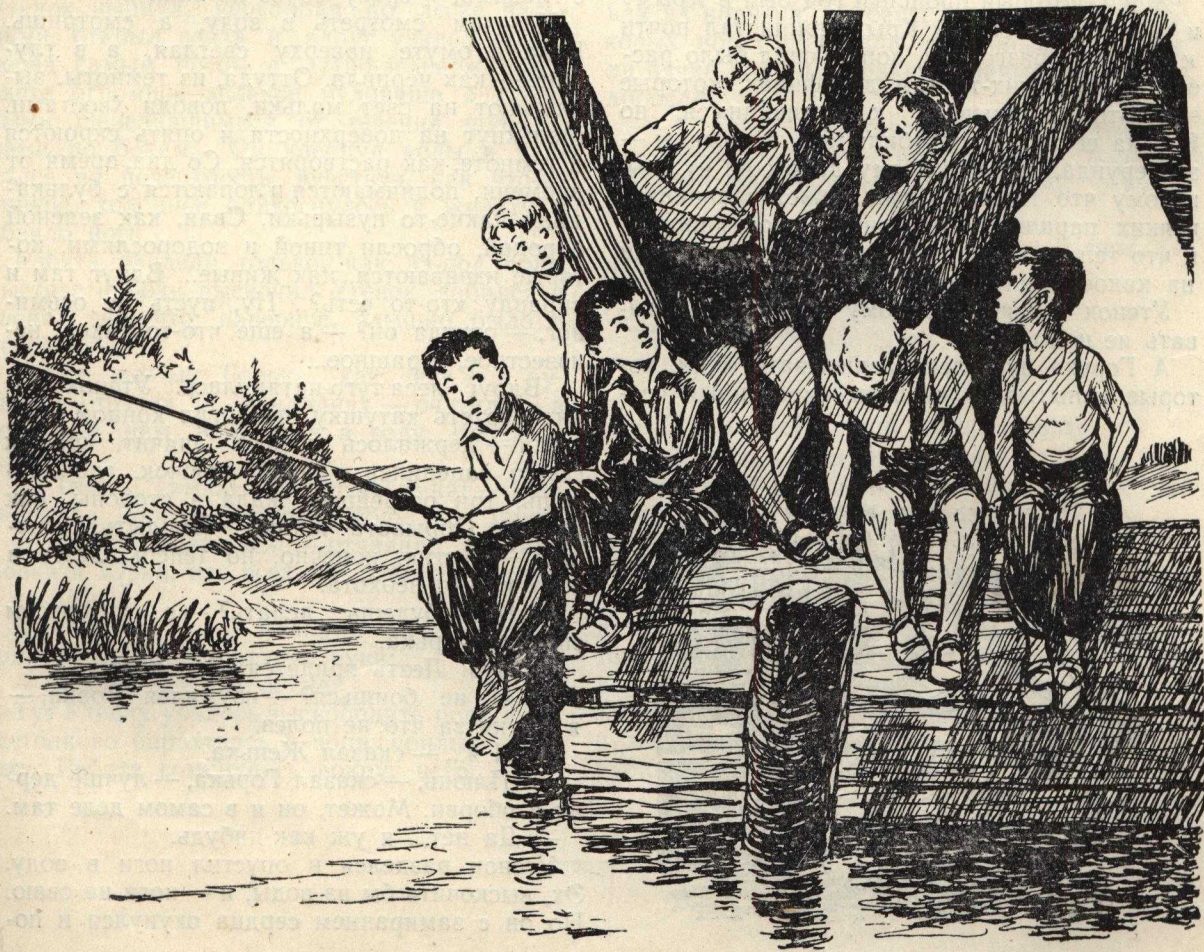
Все поджали ноги и стали смотреть на воду.

Странно, Утенку тоже почему-то захотелось податься куда-нибудь подальше от воды. Но он всё-таки смело добавил:

— Да-да. Правда-правда. И я слышал. Сидит в воде, спрятался и поджидает. Как кто в воду, он его — хоп. Он умный. Все понимает.

— Осьминог! — стонал Горька. — Даже не верится. А я проснулся сегодня утром, так у меня радостно на душе: ну, думаю, обязательно сегодня случится что-нибудь хорошее! Или найду какой-нибудь зарытый старинный пистолет или еще что... И оказалось — осьминог!

— Может, его уже поймали? — шопотом выразил надежду Женья.

— Как же ты его поймашь! — окрылся Горька. — Нашелся ловец! Так он тебе и дался! Ты, может, думаешь, это тебе головастики? Вот подожди: к будущему лету разведутся здесь осьминоги.

— Всё-таки я что-то не верю, — заикнулся Женя. — Неправда это...

— А если неправда, — посоветовал Утенок, — если неправда, — лезь сейчас в воду. Ну, лезь.

— Чего мне лезть? — сразу притих Женя. — Сам лезь, если хочешь. У меня горло болит... И пришел я сюда просто так.

Дальше всё пошло — лучше некуда. Горька рассказал вычитанную им где-то страшную историю, которая Утенку ужасно понравилась. Как плыл по морю один корабль и ему повстречался другой корабль. А потом оказалось, что с него всех матросов потаскали осьминоги, и эти самые осьминоги чуть не потаскали матросов и с первого корабля. И всех спас один матрос — он начал поливать осьминогов кипятком из шланга.

Женя, который прошлый год был в Крыму и теперь этот самый Крым приплетал почти к каждому разговору, попробовал было рассказать о каких-то там дельфинах, которые зачем-то подплывают к купающимся, но Горька его сразу перебил: мол, дельфины — это ерунда, дельфины ему даром не нужны, потому что только дурак может сравнивать всяких паршивых дельфинов с осьминогом, и что теперь свою речку он не променяет ни на какое Черное море.

Утенок ликовал: самому ничего выдумывать не надо.

А Горька пустился расписывать муки, которые испытывает человек, схваченный ось-

миногом. Откуда он только знал? Можно было подумать, что его самого сколько раз схватывал осьминог.

— Представь: вот ты плывешь, ни о чем не беспокоишься. Вдруг что-то прикасается к ноге. Липкое такое... холодное. Ты ногой — дёрг, а никак: не пускает. Потом за другую ногу, за руки — и под воду. И видишь: такое зеленое чудовище, два глаза, как человеческие, на тебя смотрят...

— Знаете что, ребята, — сказал вдруг, дернув плечами, Женя, — я на берег пойду. Позагораю. А то что-то сыро тут, тень, замерз...

Он поспешно вскарабкался по сваям на мост и побежал к берегу.

Дим с завистью глянул ему вслед, потом на Горьку и — остался. Только к старшим ближе придвинулся.

Непонятно почему, но и Утенку стало жутковато...

Знаешь ведь, — никакого осьминога нет, сам его выдумал, а всё равно: представишь, что прячется в реке у свай такое чудовище с глазами, — сразу мороз по спине...

Незачем смотреть в воду, а смотришь. Вода в омуте наверху светлая, а в глубине — как чернила. Оттуда, из темноты, выплывают на свет мальки, поводя хвостами. Мелькнут на поверхности и опять скроются в темноте, как растворятся. Со дна, время от времени, поднимаются и лопаются с бульканьем какие-то пузырьки. Свай, как зеленой бородой, обросли тиной и водорослями, которые извиваются, как живые... Вдруг там и вправду кто-то есть?.. Ну, пусть не осьминог, — откуда он? — а еще что-то такое, неизвестное, страшное...

Вдруг леса туго натянулась. Утенок бросил вертеть катушку, подёргал концом удища — держалось крепко. Значит, крючок где-то зацепился. Такой крючок где найдешь: три острейших жала в стороны, как якорь? Обрывать жалко. Поплыть, отцепить — пустяк, конечно, но теперь лезть в воду как-то неохота.

— Что будешь делать? — с интересом спросил Горька.

— Что! Лезть придется. Отцеплять.

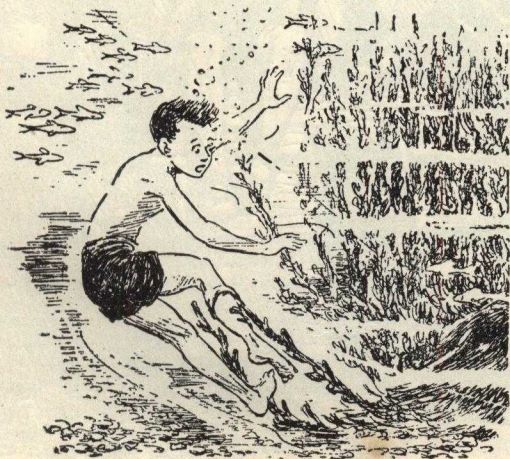
— И не боишься? — изумился Вовка, — я бы ни за что не полез.

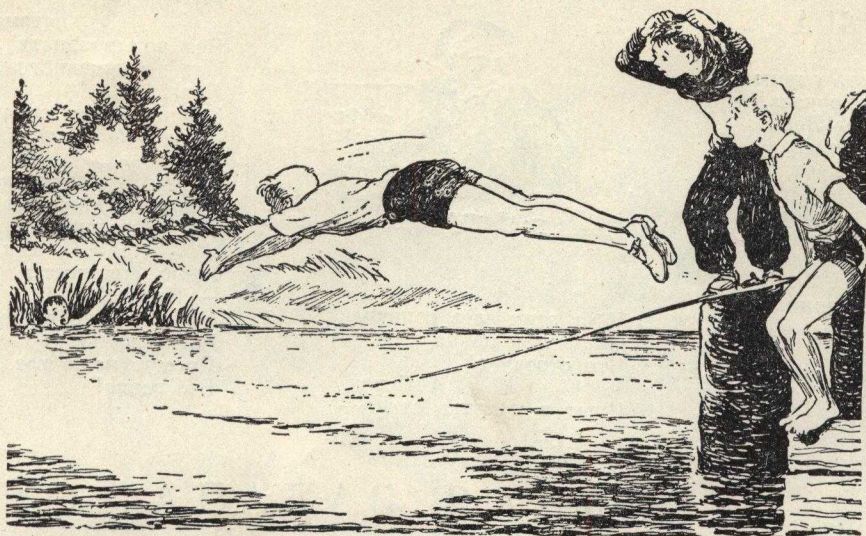
— И я... — сказал Женя.

— Плюнь, — сказал Горька, — лучше дерни и оборви. Может, он и в самом деле там.

— Да нет... я уж как-нибудь.

Утенок разделся и опустил ноги в воду. Эх, выскочить бы из воды, и — ноги на сваю. Но он с замиранием сердца окунулся и по-

плыл. Ребята встали, вытянув шеи, глядели на него, как на чудо.

Доплыв до места, где зацепился крючок, Утенок нырнул, перебирая по леске пальцами, открыл глаза и вдруг увидел прямо перед самым носом в мутно-зеленом полусвете огромное зеленое чудовище с длинными шевелившимися от течения щупальцами по бокам... Он хлебнул воды и рванулся на поверхность, чувствуя, как что-то липкое, холодное прикоснулось к животу и обвило ноги...

Ребята увидели только, как из-под воды быстрее пробки выскочил Утенок, забился и заорал так, что, наверное, слышно было в поселке.

В тот же миг Горька, как был — в рубашке, трусах и сандалиях — очутился в воде. За ним бросились в воду Вовка и Юрка.

— Тимка! Тимка! Держись, Тимка! — подбадривал Горька, разрезая воду, как щука.

— Тимка! Держись! — отчаянно кричали Вовка и Юрка, изо всех сил работая руками и ногами.

Женька не умел плавать, но вбежал в воду по горло и протянул руки:

— Тимка! Да Тимка же!

Тут Утенку удалось высвободить ноги, и он, бестолково барахтаясь и вопя, поплыл к берегу. Ребята сомкнулись вокруг него. Горь-

ка плыл последним, то и дело угрожающе оборачиваясь назад.

А когда, толкаясь локтями, все выскочили, как из кипятка, на берег, увидели: на утеновых ногах прилипли спутанные, похожие на пучки длинных тонких зеленых волос, водоросли.

— Т-тина... — заикаясь сказал Утенок.

— Верно — тина, — подтвердил Горька, потрогав для верности рукой. — А... осьминог?

— Его... нет! — обрадовался Утенок. — Это я его сам... изобрел.

Горька понял не сразу:

— Совсем нет?

— Н-нет.

— А как же объявление?

— Я... написал, чтоб сома... ловить.

— Эх, ты, — сказал Горька, и лицо его сразу стало скучным. — Я так и знал. И ошибка еще там — «осьминог»... Эх, ты — «осьминог»...

И вдруг он влепил такого пинка Утенку, что тот кувыркнулся в траву, но — не обиделся: сидел и улыбался, хоть по щекам и текли слезы. А ребятам при взгляде на Утенка стало отчего-то радостно. Один только мокрый, тяжело дышавший Горька отвернулся и принялся стягивать через голову рубашку.

ЛЕНА

Я с работы после смены
Возвратился в три часа.
Тихо всхлипывает Лена,
Рукавами трёт глаза.
Головы не поднимает,
Грустный голос

хрипловат:
— В комсомол не принимают.
Рановато, —

говорят...
Чем седьмой соседний класс
Лучше нас?..
Льются слезы,

как ни прячь их,
По щеке,
по губе...

И от этих слез горячих
Стало мне не по себе,
Что отвечу ей?

А Лена
Ищет в метрике ответ —

По подсчетам

неизменно
Нет четырнадцати лет,
Нет четырнадцати лет,
Нет!
За окном темнее стало,
Лена села у стола,
Посидела,

повздыхала,
Сумку с книжками взяла.
Над тетрадкой,

как в школе,
Вновь склоняется она:
— Ничего,

что в комсомоле
Нет пока всего звена.
Примут наше все звено
Всё равно!

Н. Гольдин

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА

На странице — трудная задача,
Смотрят цифры круглые хитро...
Так решать ее или иначе? —
Лоб наморщен. Высохло перо.

Стал мальчишка тихим, невеселым.
Свет не мил. И вечер не хорош.
Сделалось перо таким тяжелым,
Что его никак не шевельнешь.

Может он нести поклажу долго,
Не роптать в походе много дней.
Может переплыть мальчишка Волгу,
Если только прыгнет сильнее.

Даже если он в пути устанет,
В хлопьях снега с головы до пят,
Никогда на лыжах не отстанет.
Это так. Спросите у ребят...

Но застыв теперь с пером чернильным,
Словно потерявшийся во мгле,

Показался он себе бессильным,
Слабым человеком на земле.

Словно он не прошагает долго
И ребят на лыжах насмешит,
Переплыть никак не сможет Волгу,
Если ту задачу не решит.

И такая горькая досада
Вдруг парнишку за сердце берет,
И такое огненное «Надо!»
Подает всего его вперед.

Закусил губу он, чуть не плача.
Руки сжал. Нацелил взгляд остро.
И пошла, пошла, пошла задача,
Заскрипело яростно перо.

Словно он незримыми ключами
С каждой скобки снять сумел замок,
Словно он руками и плечами
Сдвинуть цифры разуму помог.

Юрий Яковлев

ОНИ ПОЛЮБИЛИ КОННЫЙ СПОРТ

На вклейке рисунок В. Курдова

Огромное здание имеет сразу три адреса:
Исаакиевская площадь — проспект Майорова —
Адмиралтейский проспект. Это 239-ая школа
Октябрьского района Ленинграда. Здесь увлека-
тельно поставлена спортивная работа, которой
много сил и времени отдает заслуженный учитель
школ РСФСР Дмитрий Александрович Лобы-
севич.

Вероятно, в каждой школе есть свои гимнасты,
легкоатлеты, баскетболисты, волейболисты, лыж-

ники, конькобежцы. Но многие ли школьники,
да еще в городе, могут принять участие в кон-
кур-инии — конноспортивных состязаниях на
лучшее скоростное преодоление препятствий,
вроде того, что изобразил художник В. Курдов
на своем рисунке?

В 239-ой школе есть любители конного спорта.
Сам Дмитрий Александрович, выступая на пер-
венстве Ленинграда, несмотря на то, что ему около
шестидесяти лет, занял второе место и получил
почетный диплом.

МУЖЕСТВЕННАЯ СОБАКА КОСТО

Фотокорреспондент «Костра», проходя по улице, увидел ребят — целую толпу. Они оживленно читали газету.

Что привлекло внимание юных читателей? Что взволновало их? Ребята читали заметку «Собака спасла жизнь ребенку», напечатанную в газете «Смена».

Это маленькое сообщение было заимствовано из польского журнала «Пшекруй» и рассказывалось в нем о любопытном случае, который недавно произошел во французском городе Лорм.

Слепой Гортеллано возвращался домой со своей собакой Косто. Оба остановились на перекрестке и ожидали, когда можно будет перейти улицу. Вдруг собака вырвалась от хозяина (впервые за три года!) и бросилась на мостовую. Что случилось?

А произошло вот что: одна восьмилетняя девочка, заигравшись, выбежала на мостовую — прямо под колеса автобуса. Девочка неминуемо попала бы под машину, если бы не умница Косто. Мужественный пес мгновенно ринулся к девочке, опрокинул ее, отбросил от машины и тем самым спас от гибели.

Все произошло быстро, — и шофер не успел затормозить машину. Она, налетев на мохнатого избавителя, раздробила ему кость. И все же пес нашел в себе достаточно сил, чтобы подползти к испуганной девочке, будто хотел убедиться, что она невредима.

Разве удивительно, что заметку наши ребята читали с таким волнением? И, конечно, каждый хотел узнать побольше о Косто.

И об этом говорилось в газете. Косто — собака фламандской породы. Собаки эти большие, сильные, умные животные. Их специально учат, как оберегать детей и тех, кто попал в беду.

Косто очень умная собака, и она уже не в первый раз предупреждала несчастье. Но в этот раз Косто дорого заплатила за свой самоотверженный поступок. Ветеринар нашел у Косто серьезные ранения. И сказал, что вылечит собаку, но это будет стоить дорого.

Тогда дети Лорма начали собирать деньги на лечение Косто. Скоро откликнулись дети и других французских городов. За несколько дней в ветеринарную больницу было передано полмиллиона франков.

Косто лечили лучшие ветеринары, и он не испытывал ни в чем недостатка. Уже через несколько дней четвероногий больной начал лаять, а на пятый — с аппетитом съел цыпленка. Это лакомство принесла ему та самая восьмилетняя девочка Христен, которую он спас.

Фотокорреспондент подумал, что и читателям «Костра» будет интересно узнать об этом случае.

Поэтому он сфотографировал ребят с газетой и рассказал о том, что они прочитали.

КАК ТЫ ГОТОВИШЬСЯ К ФЕСТИВАЛЮ?

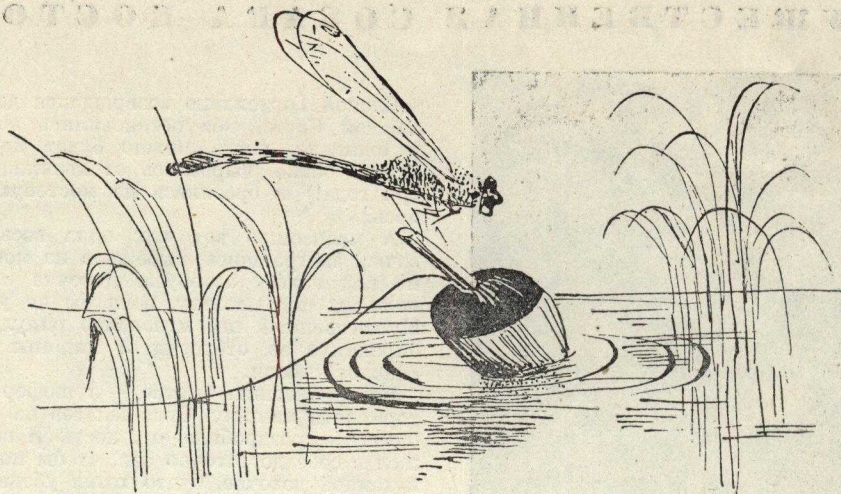
На вклейке рисунок В. Юсипенко

Этот вопрос задают друг другу пионеры не только нашей страны.

Тем, кто придет в Москву на VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, ребята готовят подарки, помогают шить костюмы, делают наметные значки и многое другое.

А что делаешь ты? Может быть, выращиваешь цветы, рисуешь картину, растешь голубей, строишь модели? Напиши нам об этом.

На рисунке художника В. Юсипенко ты видишь мальчика в костюме русской боярышни. Это — фестивальный костюм старшей сестры. Своего-то костюма он, видно, еще не сделал!

РАССКАЗ УДИЛЬЩИКА

В. Бианки

Люблю я с удочкой посидеть где-нибудь на берегу реки или озера. Сидишь себе тихонько, почти что без движения, никого не пугаешь, — зато много чего видишь кругом. Привыкнут к тебе звери-птицы, некоторые, может, вовсе тебя за неодушевленный пенек посчитают, — да и повылезают наружу без страха. Тут, бывает, такое увидишь, — чудеса да и только! А клюет рыбка, или нет у нее аппетита на моего червячка, — это для меня дело второстепенное; засмотрюсь на что интересное, так и на поплавок забуду взглядывать. Или еще, бывает, раздумаюсь о том, о сем, а больше ни о чем — да и не замечу, как задремлю.

Вот прошлый раз — в самом начале лета это было — сидел я тут под обрывом на озере. Солнышко ласково так припекает — я вместо рыбки-то сам и клюю носом. Клюнул раз посылней, — чуть с пенка не свалился.

Ну, конечно, взбодрился, посмотрел кругом строго: не глядит ли кто на меня, не смеются ли надо мной? Да никого поблизости нет, одни только стрижи туда-сюда над головой снуют, мушек в воздухе ловят, в обрыв залетают. В обрыве у них дырки-норки, только еще, верно, яички там не отложены.

Рисунки В. Курдова

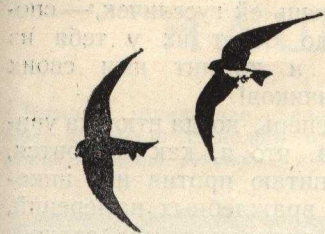
Глянул вниз, в траву — батюшки светы! — там у меня под ногами прямо басня дедушки Крылова: стрекоза и муравей! Стрекоза на былинке голубенькая-голубенькая, крылышки самолетиком, сидит, муравья слушает. А трудолюбивый муравей перед самым ее носом усиками шевелит, серьезный такой, — объясняет ей что-то. Про то, наверно, что нельзя же целое лето петь да плясать — надо о зиме подумать! А стрекоза — порх! — и ко мне на поплавок села.

Ну, посмеялся я над ними, поднял голову, вижу: что-то на низком берегу белеется. Посмотрел в бинокль — бинокль у меня на рыбной ловле всегда с собой имеется — батюшки мои! — да это белая чайка на пне сидит! Да не на ногах стоит, как всегда чайки, а брюхом лежит на пне, как лев на постаменте, — ну, знаете, как в Ленинграде у Адмиралтейства.

Что за фокус!

Повел биноклем туда-сюда — и там голова над пнем

* Продолжение. Начало в № 3.

торчит, и там хвост, и там... Да что они тут все — с ума, что ли, походили!

Поднял бинокль повыше — еще того не легче!

Сидят белые чайки на самых макушках деревьев, да на каких вы думаете? На хвойных! На самых что ни на есть елях-ежах колючих! А ведь на лапах-то у чаек нежные плавательные перепонки. Ведь им на елках сидеть все равно как собаке на чостоколе! Вот и пойми тут что-нибудь. Где ж это видано, где это слыхано, чтобы уважающие себя водоплавающие птицы на пнях пузом валялись и на колючих еловых маковках на вытянутых ногах стояли!

Смотрел я на них, смотрел, ушипнул даже себя: не снится ли мне? Нет, — больно...

Отнял бинокль от глаз — еще что за номер?!

Над самой головой у меня летит — с каждым взмахом крыльев вверх-вниз, вверх-вниз! — маленькая тоненькая чаечка, вернее, не чайка, а крачка. Их еще морскими ласточками называют. Летит ко мне прямо против солнца и, конечно, черной мне кажется. Но вот повернула, полетела в обратную сторону, смотрю — черная и осталась. С хвоста до головы черная чаечка, что за чепуха такая! Чайка! Черная!

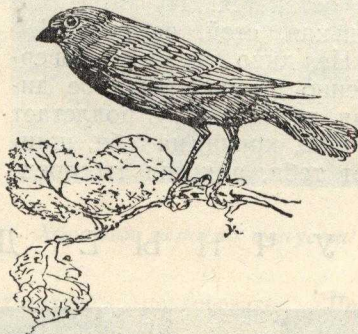
Но рассматривать ее мне было некогда: поплавок мой вдруг сильно дернулся, ушел под воду... да там и остался!

— Здоровая, значит, взя-

ла, — подумал я, вскочил на ноги и подсек.

Только из моей подсечки ничего не вышло: удилище согнулось в дугу, а рыба даже не показалась на поверхности. Пришлось начать водить рыбину и помаленьку выбирать леску. Подтягиваю к себе, подтягиваю... Вот уже видно, что в глубине что-то большое, темное, а что такое — никак разглядеть не могу.

Потом как дерну! Ух ты! Зверь на крючке! Да страшный: голова круглая, уса-тая, сам толстый-толстый, а хвост!.. Ну вот ей-ей, как вытянул страшилище на берег, так и ахнул: хвост-то большой, лопатой!

Я как его увидел, так у меня душа в пятки: развели тут зверей всяких драгоценных, а я за них отвечаю! Польстил этот дуралей на моего червя, заглотнул, — хоть операцию теперь ему делай!

Бобр ведь это оказался, бобренок. К счастью, крючок он забрал не глубоко, и я легко его вытащил из пастишки. Пустил я его в озеро, — он как плеснет хвостиком по воде, — я аж вздрогнул!

Говорят, рыбная ловля на удочку — занятие спокойное, тихое. Вот тебе и тихое! Всю рыбу мне в озе-

ре распугал. Рыбы ведь как: одна сорвалась с крючка — сейчас же всем своим подружкам расскажет: «Вот там рыбак сидит, не ходите туда и пуще всего червей там не трогайте — там черви с крючками!» Само собой, рыбешка не кричит так под водой — по-человечески рыбы не умеют друг с другом разговаривать — ну, а всё-таки, какая-то там, как говорится, «сигнальная система» — третья там, или которая! — у них есть. Своих они всегда предупреждают об опасности. А тут бобр как шлепнет по воде своей лопатой, так хоть он и не рыба, все равно всякому рыбенку ясно, что мол «спасайся, кто может!»

Взял я удочку — всё равно теперь на этом месте удить без пользы. Перешел дальше по берегу — в кусты. Только закинул удочку — шасть ко мне из кустов птюшка! Кидается на меня, прямо в лицо. Кричит: «Чаи! Чей? Чей? — совсем по-канареечному. И сама с канарейку, только невзрачная такая, вся буренькая. Клювик, вроде как у воробья.

Ну, я, само собой, моментально сообразил, что у нее тут где-нибудь птенчики. Удочку положил, пошел в кусты. Немножко поискал — и в самом деле вижу: гнездышко! Только вот удивительно: на нем точь-в-точь такая же буренькая птичка сидит. Один глазок на меня вытаращила, глядит со страхом, а не улетает.

Пришлось тихонечко пальцем ее потревожить. Тогда слетела.

Я глянул в гнездо, — да так и ахнул! Лежат на донышке пять яиц. Росточком все одинаковые, а цветом совершенно все непохожие!

Одно — голубенькое, с черными крапинками, другое — всё в красных точечках, третье — в серых пятнышках, четвертое — голубовато-зеленое, а пятое — чисто розовое. Ну, прямо ви-негрет!

Подивился я на такое чудо природы и поскорей отошел от куста, чтобы удивительную эту маму не тревожить: как бы ещё не бросила гнезда.

Вернулся я к удочке — и теперь приметил, откуда та боевая птюшка вылетела: оказывается — совсем с другой стороны. Поискал в той

стороне. Птюшка со мной прямо как в «холодно — горячо!» играет: то тише, тише кричит, то громче, как к ее гнезду-то подходить стану. Ну, так-то нетрудно найти. Соломенное гнездышко помещалось в таком же кусте, что и у той — в смо-родине, что ли. И так же невысоко: на метр с небольшим от земли. Но у этой были уже птенчики: крохотулечки, еще голенькие, слепые. А мама-то их беспокоится, мама-то прямо в руку мне вцепилась и щиплет клювиком, щиплет!

— Ишь, — думаю, — герой! Да ведь, если я тебя стукну, разозлюсь, то от тебя ничего не останется! Ну стой, маленькая, стой, не дерись!

Не диво разве? Совершенно незнакомая тебе дикая птюшка вдруг подлетает к тебе, кричит на тебя, щиплет тебя, а когда ты пред-

лагаешь ей гусеничек, — спокойно берет их у тебя из рук и кормит ими своих птенчиков!

Теперь, когда птюшка увидела, что я, как говорится, не питаю против нее никаких враждебных намерений, она позволила мне спокойно посидеть и поудить. Но всё равно рыба не клевала.

Сидел я, сидел, да тут начала кричать, надрываться в лесу кукушечка. Сердце у меня разрывается, когда слышу ее жалобы. Всегда вспоминается жалостная песенка моей старенькой бабушки:

Там вдали за рекой

Раздается порой:

— Ку-ку! Ку-куу!

Потеряла детей,

Жалко бедненькой ей!

На самом деле, — какая тоска — всех своих деток растерять.

Смотал я свою удочку — и пошел домой.

Н Е Р А З Л У Ч Н Ы Е Д Р У З Ь Я

Это что за необылица —
На спине у зверя — птица?
Почему сидеть ей там
Разрешил гиппопотам?

Потому что птица может
В миг склевать букашек с кожи:
Тук, тук, тук — букашек нет —
И уборка, и обед!

НАШ ПОЛЕВОЙ СТАН

Крепко припекало солнце. Снег прогнал с полей, просушило веетную землю.

И я буду поднимать целину!..

Пора! Переваливаясь на ухабах, вышел трактор за школьные ворота. Потащил плуг с поднятыми, горевшими на солнце лемехами.

Кому рулить?

Вел трактор школьник, а друг его, тоже школьник, был помощником, прицепщиком. Вот остановился трактор у края поля с прошлогодней побуревшей травой. Прицепщик взялся за рычаг. Раз! — и врезались острые края плуга в землю. Малыши, что гурьбой облепили трактор, и те притихли.

Водитель, бригадир юных трактористов, Саха Бурасов, отер взмокший от волнения лоб, помахал друзьям и включил скорость.

Пошел трактор, пошел, деловито зашумев мотором! И сразу же потянулась за ним черная, свежеспаханная полоса земли. Влажно поблескивая и словно радуясь солнцу, она все росла и росла в длину.

И вдруг малыши и те, кто постарше, все, кто глядел на трактор, бросились вслед за ним. Каждый что-то кричал, размахивал руками... Но водитель не слышал ни криков, ни приветствий. Руки его как бы приросли к рулю, мышцы напряглись, словно не трактор, а он сам, школьник Саха Бурасов, двигал этот прицеп с лемехами плуга, подымавших пашню.

Еще бы!.. Первая борозда, проложенная своими руками! И не так, на минутку, Саха сел за

Хорошая выросла капуста!

трактор — попробовать. Нет, МТС еще в прошлом году передала Елизаветинской школе три трактора, грузовик, сеялку, культиватор, плуги... Учитесь работать!

И учились ребята на совесть. Не беда, что в мазуте руки и мышцы болят с непривычки. В апреле сто тридцать два школьника кончили курсы юных трактористов, машиноведов и полеводов.

А весна уже — вот она! Участок земли дал школьникам колхоз «Сталинец». И отвечать за участок надо самим. Так и сказали: «Ваша Малая машинно-тракторная станция при школе отвечает за урожай на участке!» Сами ремонтируйте машины, сами собирайте золу для удобрений, сами испытывайте семена на всхожесть. Пусть всеми делами ведает Совет Малой МТС!

Так и сделали. Дружно, не ссорясь. Лишь об одном зашел спор чуть не до ссоры: кому работать в первую смену. Все просятся, а сразу нельзя. Но вы-

шло, что и спорить не о чем: всем сменам хватило дел с весны до осени.

Самое вкусное — кочерыжка!

Совет поровну распределил работу, без перегрузки. Бригады сменялись через три часа. И чтобы минуты не терять даром, устроили бригадам общежитие в

И картошка удалась!..

школе — там и спали, там и ели. А продукты на общую кухню отпустил работникам колхоз в счет урожая.

Говорят: «Где порядок, там и толк в деле». Все сто тридцать два члена бригад без помех сдали экзамены весной, вспахали и засеяли в срок сорок гектаров земли.

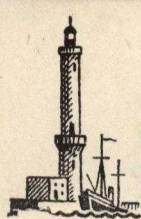
Пришла осень. Пора убирать урожай! Что-то принес он школе? Потрудились ведь на совесть: за лето выработали семь тысяч трудодней!

Агрономы подсчитали и говорят:

— Ожидали тонн пятнадцать картофеля с гектара, а при уборке вышло все шестнадцать!

Хорошо, очень хорошо! Вот так бы и другим школам, друзья-читатели!

А. Орлянский

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Приложение
к
журналу
„Костёр“
№ 4

ЭХОЛОТ

Есть опасные места на морских дорогах. Это подводные рифы, мели, песчаные косы. Невидимые и коварные, они тянутся от берегов и уходят далеко в море, подстерегая корабли. Страшными памятниками лежат там разрушенные корпуса судов. Они засыпаны песком. Ржавые гвозди, напоминающие грибы-поганки, вылезают из прогнивших досок. Палуба смыта водой. Черными ребрами торчат лишённые обшивки шпангоуты... Может быть, капитаны погибших кораблей забывали замерять глубину или ленились это делать? Нет, конечно!

Разве можно быстро и точно измерить глубину веревкой-линем с грузом на конце? А ведь только таким приспособлением, которое называется лотом, пользовались моряки до недавнего времени. Много дорогих минут уходило на то, чтобы забросить и выбрать лот, особенно в бурную погоду. Груз иногда обрывался, лишь относилось течением, а судно приходилось останавливать, так как на ходу такой лот давал неверные показания.

Современные корабли оборудованы замечательным прибором — эхолотом, который через каждую секунду, а то и чаще, измеряет глубину и даже может нарисовать на бумаге очертания морского дна. Более того, с помощью эхолота можно обнаружить затонувшие корабли и плотные косяки рыбы. Никакие штормы, ветры, течения, даже льды не помешают эхолоту во-время и с большой

точностью дать свои показания.

Как же устроен этот удивительный прибор? С помощью чего измеряется глубина? Ведь никаких веревок, никаких палок не опускают с корабля на дно. А не достав до дна, разве можно измерить глубину?

Оказывается, можно. Чем же? Звуком! Человек заставил звук опускаться на морское дно, возвращаться обратно и „докладывать“, какая глубина под килем судна. А измеряется глубина звуком вот как: создается под водой отрывистый, сильный звук и засекается время. Звук, распространяясь во все стороны, достигает дна, отражается от него и в виде эха возвращается. Услышав эхо, вы снова смотрите на секундомер и вычисляете, сколько времени понадобилось звуку, чтобы пройти до дна и обратно. Скорость звука в воде известна — около 1500 метров в секунду. Все эти расчеты выполняются автоматически, с большой быстротой эхолотом. Этот прибор состоит из трех установок: источника звука, приемника звука и счетного механизма со шкалой. Источником звука может служить электрический колокол, приемником является „морское ухо“ — гидрофон. Эти два прибора расположены в разных местах судна, чтобы при работе гидрофон мог принимать только те звуковые сигналы,

Ультразвук измерил глубину океана, а эхолот сам автоматически записал ее.

которые приходят со дна, а не непосредственно от электроколокола.

Есть эхолоты, которые не только измеряют, но и отмечают на бумаге глубину. Если такой эхолот включить на все время, пока идет судно, то он вычертит на бумаге профиль морского дна. Если же на пути судна встретится какой-нибудь предмет, например, затонувший корабль или подводная скала, то эхолот обрисует их. С таким прибором можно смело плавать в самых неизведанных трудных местах. Эхолот во-время предупредит вас об опасности. Это настоящий друг моряка.

Ю. Клеменченко

ОТВЕТ на вопрос, помещенный в «Морской газете» № 3: барашек — гайка, у которой торчат в стороны уши; благодаря этому ее можно завинчивать пальцами, без помощи ключа.

Барашки — белые гребни волн. Баран — ворот из толстого, горизонтально укрепленного бревна; вращают его вручную, вставляя попеременно рычаги в выдолбленные гнезда.

ЧЕЛОВЕКОЛЮБИВЫЙ ПОСТУПОК

В Кронштадте, в саду Дома офицеров стоит небольшой мраморный памятник. Под рельефным лавровым венком высечены слова: «В память человеколюбивого подвига А. Домашенко 9 сентября 1827 года при берегах Сицилии». Ниже выступает изображение кормы большого парусного корабля с надписью «Азов».

Осенью 1827 года корабль «Азов» шел из Кронштадта к Дарданеллам на соединение с союзными английским и французским флотами.

Когда корабль был уже в Средиземном море, пришлось спешно убирать паруса — надувался шквал. В это время матрос, убравший один из парусов бизань-мачты, сорвался с реи и упал за корму.

На помощь утопающему бросился за борт мичман Александр Домашенко. Корабль тотчас лег в дрейф, и на воду спустили шлюпку. Но волнами и набевавшим затем шквалом относил обоих пловцов от корабля все дальше и дальше. Матросы спасательной шлюпки гребли что было сил, но найти пловцов никак не удавалось. Отважный мичман Домашенко и матрос утонули.

По возвращении русской эскадры в Кронштадт сослуживцы Домашенко заказали памятник, вторая надпись на котором гласит: «Офицеры корабля „Азов“ любезному сослуживцу, бросившемуся с кормы корабля для спасения погибающего в волнах матроса и заплатившему жизнью за столь человеколюбивый поступок»

О Домашенко сохранились лишь самые краткие сведения. В 1822 году он окончил Морской корпус. В 1822—1825 годах совершил кругосветное плавание на фрегате «Крейсер», под командой отличного моряка и педагога М. П. Лазарева. Товарищем Домашенко по корпусу и по плаванью на «Крейсере» и «Азове» был П. С. Нахимов, будущий адмирал. Погиб мичман в возрасте 24 лет.

В. Глинка

НЕМАГНИТНАЯ ШХУНА

Кто знаком с компасом, знает, что стрелка его глядит на север. Там магнитный полюс. Кружи в лесу сколько хочешь, стрелка покажет север. Не заблудишься.

А всегда ли бывает так? Приблизь к компасу ключ или нож — стрелка задрожит, отклонится. Близ дома это не беда. А бывает, закапризничает вдруг стрелка где-либо на Балтике, или в Баренцовом море, или в Кольском заливе. Не терпит она соседства с железом, дает неверные показания в тех местах, где залегают в земной коре железные руды, даже если эти залежи прячутся глубоко под водой, на дне. Плынешь, не знаешь про них, а они тайком уже отклонили стрелку.

Да и на самом корабле много железных вещей, и они также влияют на стрелку. Как же прокладывать курс морякам, если вдруг „зашалит“ стрелка? Надо, очевидно, знать все места залегания магнитных масс и нанести их на карту.

Это и поручено выяснить советским ученым. 1 июля 1957 года в истории науки начнется удивительный год, который продлится 18 месяцев — международный геофизический год. Ученые многих стран мира будут всесторонне изучать планету Землю, а наши ученые — явления земного магнетизма.

Отправятся наши ученые в путь на моторно-парусной шхуне „Заря“. Видишь ее на фото? Шхуна как будто обычная. Но это единственное в мире судно, где нет ни одного предмета из железа, чугуна или стали. Кнехты, якорь, якорная цепь — из бронзовых сплавов, зачерненных краской, что предохраняет сплавы от воздействия морской воды. Корпус шхуны, все переборки, трапы — из дерева, на медных винтах и шурупах. Брашпиль, лебедка, фонари; иллюминаторы, даже дверные замки — из цветных металлов. В камбузе — тарелки из пластмассы, кастрюльки — из немагнитных сплавов. А у команды ни при себе, ни в чемо-

данах не найти ни одной металлической вещи. Даже пуговицы на одежде — и те немагнитные. Вот как берегут на шхуне „Заря“ стрелку компаса от опасного влияния железа.

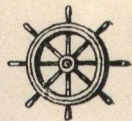
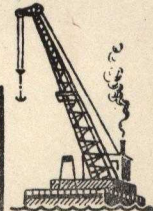
У шхуны „Заря“ две рубки вместо одной: капитанская и для штурмана. У штурмана, кроме карт, циркуля, параллельной линейки, прибора-автомата, прокладывающего курс, есть еще на стенках рубки автоматические приборы — они показывают глубину моря, скорость хода, курс корабля и магнитное склонение. Шхуна идет, а ученые в штурманской рубке на ходу производят измерения магнитного поля. И вставать на якорь, и ложиться в дрейф не надо, как это приходилось делать

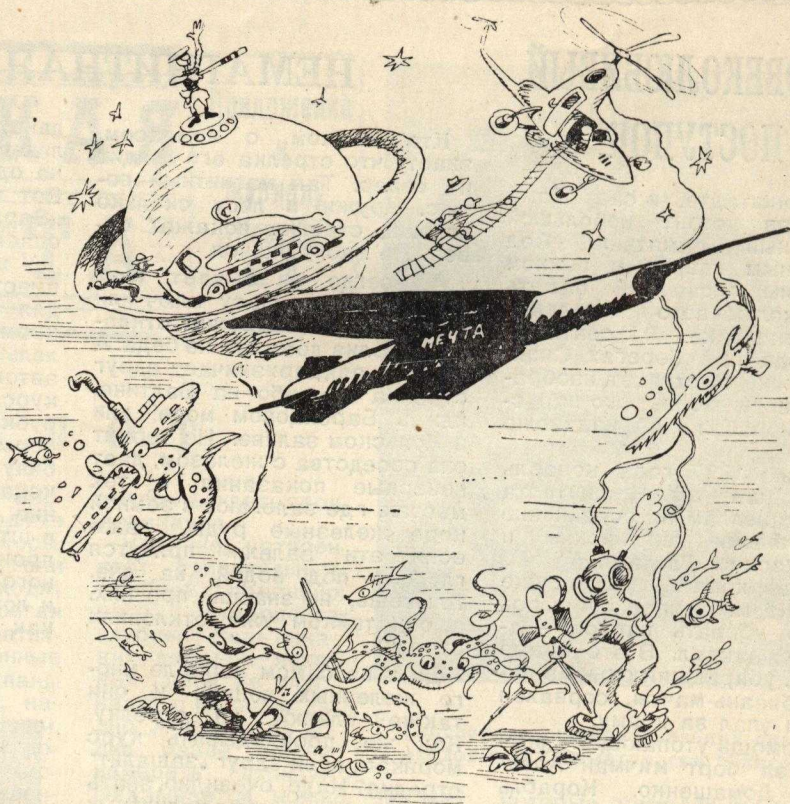
в 1929 году американской шхуне „Карнеги“ в Атлантическом океане.

Наша „Заря“ совершает плавание по Северной Атлантике. В международном геофизическом году она пройдет 50 000 миль по Атлантическому, Индийскому и Тихому океанам. Не укроется от нее на дне ни одна магнитная залежь. Все будет нанесено на карты. Плавайте, суда, по всем водам Земли без помех!

А. Бродский

К л у б С м е л ы х Изобретателей и Отважных Ребят

„МЕЧТА“ УЛЕТАЕТ В БУДУЩЕЕ

Во дворе, где жил новый знакомый ребят, было пусто. Только из открытых окон дома доносились возбужденные голоса. Прячась за кустами смородины, заговорщики прошмыгнули к сараю и открыли дверь. Дружный возглас восторга вырвался у обоих. Там в полумраке стояла серебристая машина. Острый, как у щуки, нос и вытянутое тело делали ее похожей на ракету.

Мальчики обошли машину кругом и тогда заметили написанное красными буквами название: «Мечта».

Небольшая алюминиевая стремянка была прислонена к открытому люку. Внутри горел свет. Машина была, повидимому, совсем готова к полету. Виктор провел пальцем по острой кромке крыла и с уважением произнес:

— Как у Циолковского... Специально для сверхзвуковых скоростей... И даже стабилизатор поднят...

Однако не успел он договорить, как снаружи послышались голоса. Оба заговорщика стремглаз кинулись к стремянке и залезли в корабль.

Кабина, в которой они оказались, была очень маленькой. О том, чтобы спрятаться где-нибудь, нечего было и думать. Множество приборов и кнопок, рукояток и сигнальных лампочек окружало низкое кресло пилота. А на передней стенке находился большой молочно-белый экран с пультом управления внизу.

Нечаянно Виктор надавил на одну из ручек, и задняя стенка сама отодвинулась в сторону, открыв проход в следующее помещение. Обрадовавшись этой неожиданной возможности скрыться, ребята юркнули туда. И сразу дверь захлопнулась. Ребята оказались в полной темноте.

Пытаясь схватиться за что-нибудь рукой, Виктор споткнулся и упал на что-то мягкое.

— Р-р-р! — послышалось в темноте.

И вслед за этим испуганный голос:

— Тихо, Фотоша, тихо, ну, Фотошка!

Володя обомлел. Он узнал голос брата Коли.

— Ты что здесь делаешь, чертенок? С ума сошел, что ли? Ну-ка, вылезай сейчас же!

Он рванулся в темноту и больно ударился головой о низкий потолок. Наверное, где-то близко был уже хвост машины.

— Ну, погоди, — чуть не закричал Володя, растирая шишку, — придет папа, все ему расскажу. А сейчас убирайся отсюда!

— А вот не уберусь, — расхрабрился Коля. Он был рад, что собрались все свои.

— Ах, не уберешься? — пришел на помощь реактивщик. — Тогда мы тебя выкинем!

Виктор, вслед за Володей, стал пробираться к упрямцу, но в этот момент машина дрогнула.

— Дмитрий Анатольевич, — прошептал Коля, пугая нападающих. — Скорей сюда! Тут под диваном кто-то есть.

Продолжение. Начало в «Костре» № 3.

Исследователи едва успели спрятаться. И во-время.

Дверь скрипнула, и в шелку между стеной и диваном они увидели Дмитрия Анатольевича в серебристом, как сама машина, комбинезоне.

Вот он сел в кресло пилота и вытянул ноги. На секунду руки его повисли по обе стороны низкого сидения, касаясь пола.

— Так! — проговорил он, — начнем!

Голос его трудно было узнать. Здесь, в кабине, он казался глухим и хрипловатым. Инженер надел шлем с наушниками, пристегнул себя ремнями к креслу и склонился над пультом управления.

Началось самое интересное.

Внезапно яркий свет в кабине погас, и в тот же миг засветился четырехугольник экрана. Теперь стало видно всё, что находилось вокруг корабля в сарае.

— Телевизионный локатор, — прошептал Виктор.

А его друг даже поперхнулся от восхищения:

— Да еще какой! Видишь?.. Цветной! Цветной! Смотри...

В это время на пульте одна за другой загорались разноцветные лампочки. Загудел мотор. Красный сигнал на экране сменился зеленым, и стрелки задрожали. Только три больших круглых прибора пока бездействовали.

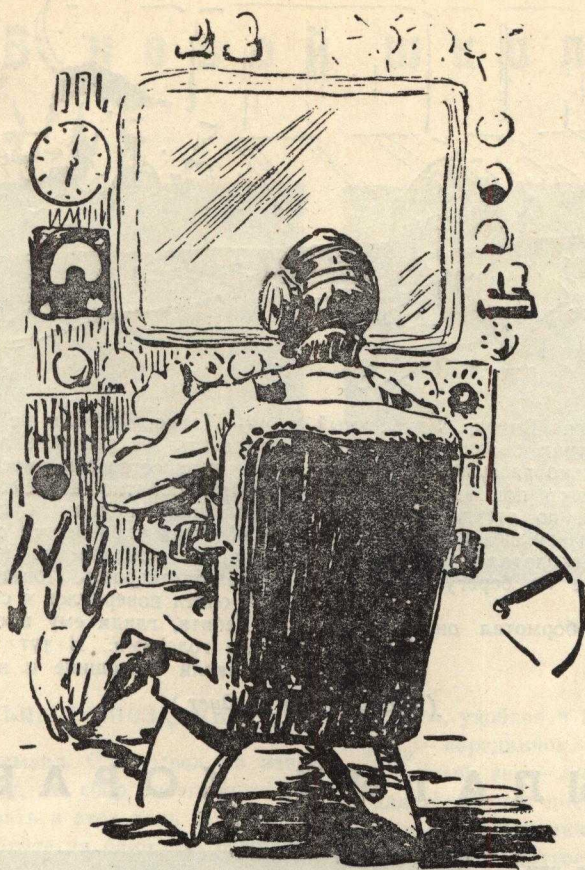
Ребята не спускали с них глаз. Два крайних очень напоминали часы-будильники. А третий, — Володя мог поклясться в этом, — был похож на обыкновенный электрический счетчик, такой же, как у них дома.

Вдруг корпус машины задрожал. Стена сарая растворилась и на экране всеми красками заиграл солнечный день. Машина вырвалась на свободу. Инженер переключил скорость, взял ручку на себя, и «Мечта» взмыла в воздух.

Стрелки прибора, похожего на будильник, бешено понеслись по кругу... Отброшенные рывком машины, ребята лежали под диваном, прижатые чудовищной силой к металлической стене. Так продолжалось мгновение.

Но вот машина достигла, как видно, нужной высоты. Дмитрий Анатольевич перевел корабль в горизонтальный полет и сбавил обороты турбин.

Теперь на экране творилось невообразимое. Солнце, еще недавно сиявшее в небе, стремительно покатилося к горизонту и скрылось. Погас розовый край неба, и высыпали звезды. Через секунду звезды побледнели, и небо вновь озарилось лучами

дневного света. Смена дня и ночи происходила с невиданной быстротой.

Взявшись за рычаги, инженер управлял временем. Высоко в воздухе парила машина, медленно передвигаясь над поверхностью Земли.

Там, далеко-далеко внизу, стремительным потоком неслась жизнь. Люди бегали так быстро, что глаз даже не улавливал их движений. Едва успев проснуться, они уже снова ложились спать, а не успев лечь — принимались за работу. Словно грибы после дождика, вырастали дома и заводы. Каждый час на Земле, здесь для пассажиров этой машины, был всего одной секундой.

Если бы Володя и Виктор могли подползти к окошку и в сильный бинокль взглянуть на Землю, им открылась бы удивительная картина. Внизу уже шли осенние дожди, появился иней, а потом забушевали и метели... Но ребята из своей засады видели только прибор, напоминавший счетчик. Вот внутри него щелкнуло, и на циферблате высочили цифры: 1957.

Наступил новый год. Второй год шестой пятилетки. А затерявшаяся в безбрежном воздушном океане «Мечта» мчалась в будущее, унося на борту четырех пассажиров и щенка по имени Фотограф.

Забравшись под диван и не смея не то что пошевелиться, но даже и вздохнуть свободно, отважные путешественники, конечно, совсем не представляли себе, куда уносит их «Мечта». Но неизвестность не пугала их. Турбины ровно гудели, пилот спокойно сидел за пультом и делал свое дело.

Вдруг ровный гул моторов прекратился. Машину резко качнуло, и ребята от страха затряслись, как в лихорадке: «Неужели машина падает на землю?»

Позже ни один не хотел признаться, что струсил.

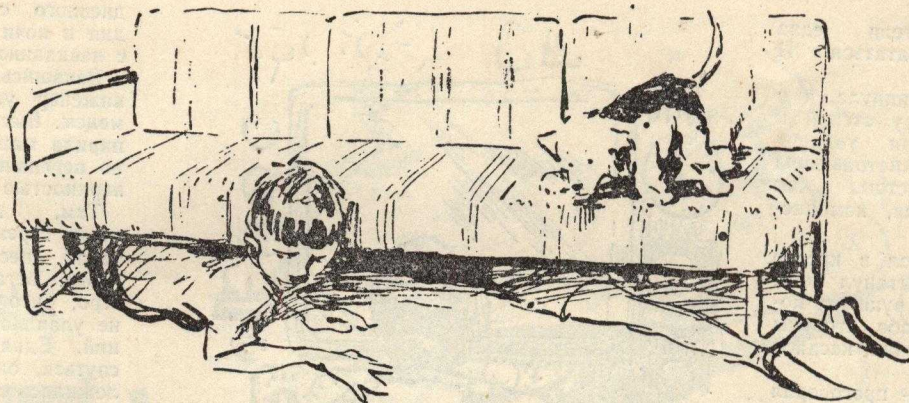
Никакой аварии на самом деле не произошло. Экран показывал спокойно парящую «Мечту» на фоне непрерывно меняющегося неба.

На пульте загорелась новая лампочка. И в тот же миг небольшой горбик на спине «Мечты» раскрылся. Откуда-то из глубины машины поднялась стальная колонка, развернувшая горизонтальный винт ротора, и «Мечта» стала вертолетом.

Ребята наблюдали происходящее, затаив дыхание. Одному Фотографу всё было нипочем. Ему надоело сидеть под диваном, он начал вертеться, схватил Колю за палец, получил сдачи и высочил наружу.

Ужас охватил ребят — всех троих. Сейчас их обнаружат — и тогда... Что будет с ними?..

Щенок между тем залился веселым лаем. Скрываться дальше стало бесполезно.

Первым вылез из-под дивана Виктор. Удивленный Дмитрий Ана.ольевич нахмурил брови и уставился на несчастного пассажира, явно раздумывая, как бы построже его наказать. Виктор под этим взглядом попятился опять под диван, но оттуда уже вылезали Володя и Коля. Увидев эту шевелящуюся кучу, инженер не выдержал и расхохотался.

Коля первый, как раньше на берегу озера, набрался храбрости.

— Не ругайте нас, — пробормотал он, — мы хотели помочь вам...

— Ладно, можешь не сочинять речей. Все равно отправить вас сейчас в лагерь я не могу. Придется мне путешествовать вместе с вашей компанией. Но знайте: обратно вернемся только после того, как испытания машины будут полностью закончены. А «Мечта» управляется с Земли, и я в силах лишь изменять направление полета да прибавлять или убавлять скорость. Понятно? — и Дмитрий Ана.ольевич опять повернулся к своим приборам.

Ребята, глядя ему в спину, сосредоточенно закивали головами. И тут же весело переглянулись: оставили в машине и ничего с ними не сделают!

(Продолжение следует.)

КРЫЛАТЫЙ КОРАБЛЬ

Этот корабль отходит от пристани с обычной скоростью. Но вот мотор прибавляет обороты, и судно быстро увеличивает ход. И теперь уже видно, что этот, казалось, обычный корабль, не похож на другие. Ему точно тесно в воде, и впечатление создается такое, что будто какая-то невидимая простым глазом сила выталкивает корпус судна из воды. Вот оно уже несется по воздуху, лишь слегка касаясь волн и оставляя за собой полосу легкой пены. А скорость его все растет и растет. Корабль уже поровнялся с мчащимся по берегу автомобилем, перегнал его и теперь движется со скоростью 60, 80, 100 километров в час!

Корабль такой существует в действительности, и построили его сормовские рабочие под руководством инженера Р. Алексеева.

В последние годы ученые создали самолеты, скорость которых больше, чем скорость звука. Локомотивы и автомобили тоже оставили позади скорость в 100 километров в час. Только речные суда двигались не быстрее 25—30 километров.

Увеличить скорость движения

судна можно было бы, усилив мощность судовых двигателей. Но это не выгодно и не всегда дает желаемые результаты.

Сопротивление воды можно еще уменьшить, выбрав лучшую форму корпуса судна. Длинные и узкие суда гораздо быстрее широких и коротких. Но вот беда: такие корабли гораздо менее поворотливы.

Что же остается делать? Строить суда, которые двигались бы на своеобразных подводных крыльях.

Если прикрепить к подводной части судна такие крылья, они станут как бы выталкивать ко-

рабль из воды. Можно даже снабдить судно такими крыльями, что они будут почти совсем держать его над водой. А в воде останутся только сами крыльи-стойки да гребной винт.

Так на Сормовском заводе и построили. И первый же катер, который построили таким образом, развил скорость в 100 километров в час!

Даже при самых высоких волнах пассажиры на таком корабле не почувствуют ни резких ударов, ни сильных толчков, которые доставляют столько неприятностей во время плавания на обычных судах.

г. Горький.

М. Урсу

В НОВОЙ ШКОЛЕ

ДЕНЬ УДИВИТЕЛЬНЫХ ОПОЗДАНИЙ

Весь день Дима опаздывал. Опаздывал на завтрак, на обед, на уборку, на сбор своего четвертого класса. Не опаздывать в этот день было просто невозможно! Попробуйте за один раз обежать все комнаты четырех этажей необыкновенного дома-школы и куда-нибудь не опоздать.

А удивительное началось с четвертого этажа. Там классы — светлые, просторные, удобные. Парты стояли не черные, а белые. Как тут быть неаккуратным — сразу станет заметно! В партах уже лежали учебники. Их не надо было приносить и уносить. Здесь шли уроки, здесь к ним и готовились.

Сбежишь этажом ниже — там спальни, но самое удивительное — в первом этаже. Дима даже растерялся, до чего тут всё было интересно: станки, инструменты, всякие материалы для настоящей слесарной, столярной, токарной работы. Загляделся Дима и, конечно, опять куда-то опоздал. В пятый раз! Осталось опоздать только ко сну. Ведь он еще не видел библиотеки, актового зала и клубных комнат, где должны будут заниматься больше двадцати кружков.

Это был его первый день жизни в новой школе-интернате.

ТРИ ПЛАТЬЯ МАЙИ

Три платья и все три кажутся Майе праздничными — до того они хороши!

И это не считая белых передничков. Все три хочется надеть и все три жалко надевать. А они разные. Одно для занятий, повседневное. Оно

скромное, удобное и к нему, если дежуришь в столовой, — передничек. Идешь заниматься в физкультурный зал — надеваешь другое, спортивное. А для выходных дней и праздников — самое лучшее, давняя Майе мечта — матроска. У старших девочек другое праздничное платье, тоже красивое, с узорами, но матроска лучше. Недаром мальчишки из ее класса с завистью смотрят на девочек — матросские-то костюмчики им бы надо, а не девчонкам. Ну да и у них красивые костюмы — нечего завидовать!

„ИНТЕРПАША“

Интернат!.. А что это значит? Если попроще объяснить — значит общежитие. Ну, а если точно перевести это иностранное слово на русский язык, окажется — «внутренний». Сразу и не поймешь, к чему оно тут? А подумаешь, и все станет понятным. Ведь вся ребячья жизнь будет проходить внутри этого дома-школы, от первого класса до десятого. Потому и «внутренний».

— Здесь теперь все наше, — с гордостью говорит нам староста класса Катя Резанова, — и весь дом наш, и чистота внутри наша и все мы вместе свои.

— Так ты теперь знаешь, как называется ваша школа? — спросили маленькую первоклассницу, которая стояла тут же и слушала Катю.

— Знаю, — засмущалась Танюша Сереброва, — она называется интернаша.

Очень это хорошо получилось у нее. Хоть и ошиблась в букве, а поняла правильно.

НА НОВЫЕ МЕСТА

К. Меркулева

Что придумали ихтиологи

Сколько рек, речек, речушек, ручьев в нашей стране! А озер, прудов, водохранилищ! То-то раздолье рыболовам!

Но почему в одних реках и озерах много хорошей рыбы, а в других мало, да еще плохая?

Такой вопрос задают не только десятилетние рыболовы. Об этом думают ученые-ихтиологи, изучающие жизнь рыб.

Кажется, — что тут особенного — переселить рыб из одного озера в другое: наловил, перевез куда нужно, да и выпустил. Однако на деле это не так-то просто.

Прежде чем начать переселение, надо заранее многое выяснить. Одни рыбы привыкли к теплой воде, другие любят похолоднее. Карп может жить в мутной воде, а форели необходима прозрачная, чистая, холодная.

Какое дно в реке или озере? Песок? Камни? Ил? Какие растения и животные обитают в воде? Достаточно ли будет корма для новых жильцов? Какие соседи будут у «новоселов»? Не обидит ли их кто-нибудь? Вы думаете, обидеть могут только хищники? Мирные соседи тоже могут оказаться врагами — могут утащить из-под носа лучшую еду. Бывает и наоборот. Сами «переселенцы» начнут обижать «местное население».

Всё, всё надо заранее выяснить, многое предусмотреть.

Уже многие озера, водоемы, реки обогатились рыбой, которой там прежде не встречали.

„Новоселы“

Есть у нас в Казахстане озеро Балхаш. Пребольшее озеро, а рыбой небогато, да и неважная она. Однажды, разбирая улов, рыбак сильно уколол руку.

Рыба была с плоским, заостренным снизу носом. Вдоль тела в четыре ряда тянулись крупные костяные бляшки, на спине торчал еще ряд. Глаза у нее маленькие, черные и блестящие, как бусинки.

Такой никто здесь не видывал.

Что за рыба? Как ее звать? Откуда она взялась? Диковинная рыба называлась «шип»; была она из семьи осетровых, родом из Аральского моря. Но море это с озером не соединяется, и шип самостоятельно сюда никак попасть не мог. Ученые с рыбаками наловили в Аральском море шипов, отобрали из них несколько сотен лучших, крупных, поместили в специальный вагон и отправили на новоселье.

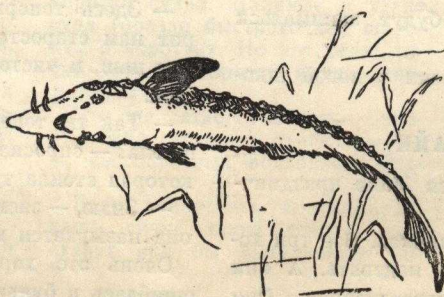
Но выпустили шипов не в озеро Балхаш, а в реку Или, которая впадает в озеро.

Шипы прижились на новом месте, размножились и уже сами добрались до Балхаша.

Появилась и в Каспийском море новая отличная рыба — кефаль; ее перевезли сюда из Черного моря. Кефаль хорошо прижилась на Каспии.

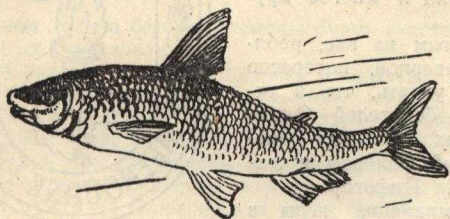
В новые реки, водоемы, озера перекачивало уже немало ценных рыб — сазанов и лещей, сигов, ряпушки, рипуса...

Не думайте, впрочем, что у ихтиологов всё идет гладко — без сучка, без задоринки.

Напризы сигов

Решили ученые-рыбоводы переселить в озеро Балхаш сигов из Чудского озера. Куда только не завезли эту отличную рыбу: во многие озера Ленинградской области, и на Украину, и в Белоруссию, и в горное кавказское озеро Севан! Всюду «чудский сиг» хорошо приживался.

К озеру Балхаш икру сигов доставили на самолете. Ее везли на особых рамках. Бережно, со всеми предосторожностями, опустили прямо в воду, в тихое, защищенное от ветра место. Двадцать три миллиона икринок поручили вынырнуть озеру. Сперва всё шло как будто благополучно. В специальные сети с мелкими ячейками, которые забрасывали «для проверки», стали попадаться маленькие сижки.

На следующий год поймали сигов покрупнее.

Но затем их стало почему-то меньше, потом еще меньше.

Так, в конце концов, ничего и не осталось от двадцати трех миллионов икринок.

Не прижились сии в озере Балхаш!

Беспокойный гость

Карликовый сомик — маленькая рыбка, но зато она очень жирная и вкусная. Родом карликовый сомик из Америки. Оттуда его вывезли в Германию. Пельские рыболовы переселили его из Германии к себе. Из Польши попал он и к нам.

В новых местах карликовый сомик легко прижился, быстро размножился и сам уже пошел кочевать по рекам, протокам и озерам.

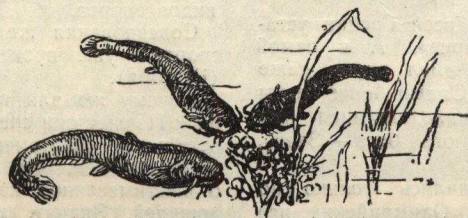
Расселился он во многих водоемах Белоруссии и Западной Украины. Являлся как гость, а начинал вести себя хозяином, да еще злым. Ну чем бы, казалось, могла помешать маленькая рыбка «местным» обитателям рек и озер, многие из которых гораздо крупнее сомика?

А вот — помешала! Житья не стало от нее. Мало того, что толпы юрких рыбешек стали из-под носа у лещей и линей выхватывать мотыля, личинки стрекоз и ручейника, — карликовые сомики начали жадно пожирать икру и мальков мирных рыб.

Вот вам, пожалуйста! Такая маленькая и вкусная рыбка, а сколько неприятностей!

Теперь-то ихтиологи знают: карликового сомика нужно пускать только в такие водоемы, где не живет лещ и другая ценная рыба и откуда сомик не сможет перекочевывать самовольно в другие места.

Немало бывает неожиданностей при переселении рыб, — дело это новое.

Длинопуты и великаны

Рыбы, живущие в разных водоемах отличаются друг от друга. Одни крупные, другие значительно мельче, одни жирные, упитанные, другие — тощие, одни растут медленно, другие — быстрее.

Волился во многих озерах рыба ряпушка. Она невелика — на ладони поместится. Например, ряпушка из Чудского озера весит только 20—30 граммов. А в других, тоже северных озерах живут ряпушки вдвое и втрое больше чудских.

Вы, наверное, знаете корюшку и снетка.

Снетки — крохотные рыбки — каждая с половину вашего мизинца. Корюшки во много раз больше.

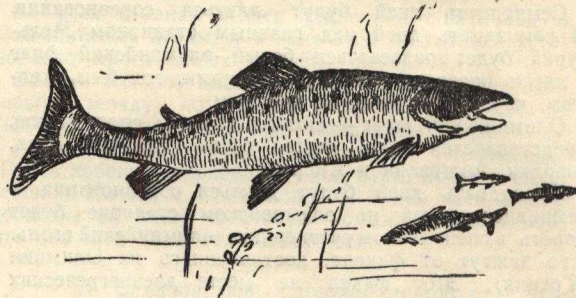
Корюшки живут в морях и только весной заходят в реки метать икру. А снетки всю свою жизнь проводят в озерах и реках.

Кажется, разные рыбы. И имя у каждой свое.

А оказалось, что корюшка и снеток самые близкие родственники. Отличаются же они друг от друга потому, что попали в разные жизненные условия.

Водится в наших водоемах рыба семга. Вес ее часто достигает тридцати шести килограммов. Выходит, что она тяжелее школьника младших классов.

Однако встречается много крошечной взрослой семги весом всего лишь в двенадцать граммов!

Во сколько же раз крупная семга тяжелее маленькой? Оказывается, в три тысячи раз!

Как видите, рыбы умеют отлично приспосабливаться к разным условиям жизни. А теперь всё чаще в их жизнь вмешивается человек. Если рыбы-переселенцы попадут в хорошие условия, то они не только приживутся на новом месте, но начнут быстрее расти, станут крупнее, чем были прежде.

Таких случаев уже много.

В Ладожском озере водится сиг-лудога. Лудогой называется он потому, что откладывает икру на мелких каменистых местах — лудах.

Переселили лудогу на Кавказ, в Армению, в горное озеро Севан. Лудога быстро прижилась, отыскала себе подходящие места для нереста, начала быстро размножаться.

Кавказский климат пошел ей на пользу. Ладожская лудога только на пятом и шестом году мечет икру. Севанская начинает метать икру уже через три с половиной года, а за четыре года вырастает в солидную рыбу.

Выводят ихтиологи и совсем новые породы, скрещивая рыб разных видов. Такие помеси-гибриды оказываются выносливее своих родителей, лучше приживаются в новых местах, быстрее растут.

Есть над чем подумать, потрудиться ихтиологам. Большая, нужная, увлекательная у них работа!

XVI Олимпийские игры

ГДЕ И КОГДА ОНИ БУДУТ

Спортсмены и «болельщики» всех стран с нетерпением ждут начала XVI Олимпийских игр — самых крупных международных спортивных соревнований.

Эти Олимпийские игры называются летними, но начнутся они 22 ноября, а закончатся 8 декабря. Почему же «летние» игры проводятся зимой?

Нынешние Олимпийские игры состоятся в Мельбурне, большом портовом городе, бывшей столице Австралии. А Австралия расположена в южном полушарии. Там лето наступает, когда у нас выпадает снег. Этим и объясняется необычное время проведения XVI летних Олимпийских игр.

Климат в Мельбурне теплый, влажный. Погода изменчива. Бывают неожиданные дожди, часто дуют ветры. Но всё-таки спортсмены всего мира надеются, что погода в Мельбурне во время XVI Олимпийских игр будет лучше, чем в Хельсинки в дни XV Олимпийских игр.

ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ — ИГРЫ МИРА И ДРУЖБЫ

Семнадцать дней будут длиться соревнования. И семнадцать дней над главным стадионом Мельбурна будет развеваться белый олимпийский флаг с пятью переплетающимися кольцами: голубым, желтым, черным, зеленым и красным.

Олимпийский флаг — символ дружбы спортсменов, представителей пяти частей света: Европы, Азии, Африки, Австралии и Америки.

Семнадцать дней будут длиться соревнования и семнадцать дней на олимпийском стадионе будет гореть в специальном светильнике олимпийский огонь. Его зажгут от факела, доставленного из Олимпии (Греция). Этот факел на месте древнегреческих Олимпийских игр зажигается солнечным лучом с помощью увеличительного стекла. Потом на поездах, самолетах, пароходах этот факел привезут в Мельбурн. Олимпийский огонь торжественно зажгут в первый день игр; он будет непрерывно гореть до конца соревнований, как символ мира и дружбы.

На рисунке сверху страницы вы, ребята, видите эмблему XVI Олимпийских игр: круговую беговую дорожку с надписью «XVI Олимпиада Мельбурн 1956». Внутри изображен контур Австралии и Олимпийский факел. Поперек эмблемы расположены пять сплетенных колец.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Почему современные Олимпийские игры проводятся один раз в четыре года — в високосный год? Потому что так было в Древней Греции. И называются эти игры Олимпийскими потому, что в Древней Греции они происходили в Олимпии.

Олимпийские игры проводились во время «священного месяца». Специальные вестники — герольды — объявляли об этом во всех концах Греции задолго до соревнований.

На время Олимпийских игр во всей Греции устанавливалось «священное перемирие». А в самой Олимпии во время игр никто не имел права даже носить оружие. Все едущие на Олимпийские игры считались неприкосновенными, находящимися под особым покровительством верховного бога — Зевса, которому и посвящались игры.

Сначала соревнования проводились только по бегу, но постепенно программа Олимпийских игр

усложнялась. Были включены прыжки, метание копья и диска, борьба и кулачный бой, бег со щитом, соревнования колесниц и многое другое.

Многим из вас, ребята, наверное, интересно будет узнать, что в числе победителей Олимпийских игр был знаменитый философ и математик Пифагор.

Олимпийские игры в Древней Греции регулярно проводились в течение более тысячи лет, но потом, в 394 году нашей эры, были запрещены.

И лишь через полторы тысячи лет, в 1894 году, Международный спортивный конгресс в Париже постановил возобновить Олимпийские игры.

Первые современные Олимпийские игры были проведены в столице Греции, в Афинах, в 1896 году. С тех пор они проводятся регулярно каждые четыре года (только во время войн игры не состоялись), и не обязательно в Греции, а в самых разных странах.

СОВРЕМЕННЫЕ ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

Программа Олимпийских игр постепенно расширялась, участников становилось все больше и больше. В первых играх (в Афинах) состязались всего 285 спортсменов, а в XV Олимпийских играх в Хельсинки — 5869 спортсменов. В первых играх участвовали лишь 13 стран, а в XV — 70 стран.

Представители России впервые участвовали в четвертых Олимпийских играх (1908 г.) в Лондоне. Но тогда команда России состояла только из пяти человек. Все же один из них, Н. А. Панин-Коломенкин, вышел победителем в фигурном катании на коньках и получил золотую медаль.

Многие из вас, ребята, конечно, помнят, как четыре года тому назад проходили XV Олимпийские игры в Хельсинки. Все мы — и малые и старые — «болели» тогда за свою команду. Еще бы! Ведь советские спортсмены впервые выступали на олимпийской арене. В команде Советского Союза было 334 спортсмена. Они успешно защищали спортивную честь нашей страны. Советские спортсмены завоевали 106 олимпийских медалей — 38 золотых, 53 серебряных и 15 бронзовых и поделили 1 и 2 места с командой Соединенных Штатов Америки.

ЧТО БУДЕТ НА XVI ОЛИМПИЙСКИХ ИГРАХ

В программу XVI летних Олимпийских игр включено двадцать видов спорта. Однако в Мельбурне будут проведены соревнования лишь по девятнадцати видам: тут встретятся пловцы и футболисты, боксеры и гребцы, стрелки и борцы и мастера других видов спорта.

Соревнования же по двадцатому виду — конному спорту — уже проведены этим летом в Стокгольме (Швеция).

Почему же для конников сделано такое исключение? Почему они состязались не в Мельбурне, как все остальные спортсмены, а в Стокгольме? Это объясняется тем, что в Австралии существует закон о шестимесячном карантине для ввозимых в страну лошадей. Значит, каждый иностранный спортсмен,

участник Олимпийских игр, должен был бы привезти в Мельбурн свою лошадь за полгода до состязаний. Это, конечно, невозможно...

К сожалению, советские конники выступали в Стокгольме не слишком удачно. Лучше других выступил Лев Баклашкин, занявший 4-е место в троеборьи.

В программе XVI Олимпийских игр главное место занимает легкая атлетика: ходьба, бег, прыжки, метание.

В одном только беге спортсмены будут участвовать в 17 видах соревнований!

Соревнования эти очень большие и сложные, с участием нескольких тысяч спортсменов. Судьям пришлось много потрудиться, чтобы заранее, еще до конца 1954 года, составить точную программу игр. Зато теперь все спортсмены и болельщики знают, в какой день и час какие состязания состоятся.

Спортсменам на Олимпийских играх придется много «поработать». По прыжкам и метаниям, например, утром состоятся квалификационные соревнования, а вечером — основные. Чтобы попасть в число участников вечерних, основных, соревнований и бороться за призовые места, нужно утром выполнить определенную, и притом высокую, квалификационную норму.

ГДЕ БУДУТ ПРОВОДИТЬСЯ СОРЕВНОВАНИЯ

В Олимпийских играх будут участвовать тысячи спортсменов. Одновременно в бассейнах, спортзалах, на рингах, в море, на полигонах и стадионах завяжется горячая, упорная борьба.

Соревнования по легкой атлетике будут проводиться на главном стадионе. Только у скороходов в ходьбе на 50 км и у бегунов-марафонцев основная часть дистанции проложена по шоссе. Однако и у них старт и финиш будут на стадионе.

Спортивные игры будут проводиться на нескольких стадионах Мельбурна, плавание и прыжки в воду — в закрытом бассейне Олимпийского парка, бокс и

гимнастика — в специальном зале. Для соревнований по стрельбе отведены военные полигоны. Парусники помчатся по заливу Порт-Филипп, на берегу которого расположен город Мельбурн, а гребцы — по озеру Лермонт, в сотне километров от Мельбурна.

Тяжелоатлеты встретятся в Муниципальном зале, а фехтовальщики — в старинной мельбурнской ратуше Сент-Хильд.

О ЗАЧЕТЕ НА СОРЕВНОВАНИЯХ

Олимпийские игры являются личными соревнованиями. Победители получают золотую медаль, занявшие второе место — серебряную, занявшие третье место — бронзовую медаль.

Однако неофициально учитываются и общекомандные результаты каждой страны: по количеству завоеванных медалей или по сумме очков, полученных за призовые места.

За 1 место — 7 очков; за 2 место — 5; за 3 место — 4; за 4 место — 3; за 5 место — 2; за 6 место — 1.

ОСТРАЯ, ИНТЕРЕСНАЯ БОРЬБА

На XVI Олимпийских играх ожидается острая, интересная борьба. Состав участников будет чрезвычайно сильным.

Во всех странах велась усиленная подготовка к Олимпийским играм, и в ходе этой подготовки установлено много новых мировых рекордов.

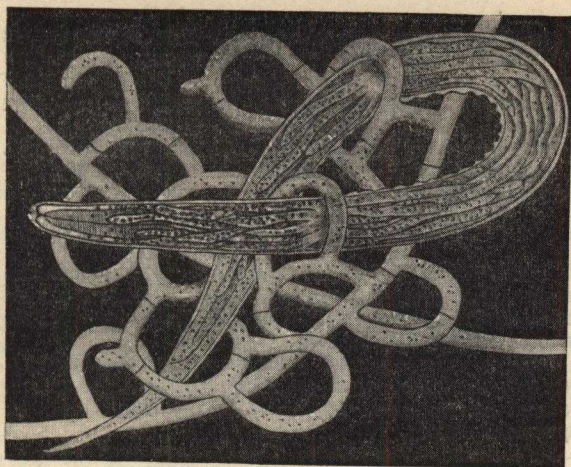
Особый интерес вызывает предстоящая спортивная борьба между командами Советского Союза и США — наиболее сильными командами мира.

У спортсменов есть традиционное пожелание: «Пусть победит сильнейший». Да, пусть победит сильнейший! Но мы с вами, конечно, будем всей душой «болеть» за нашу советскую команду и надеемся, что она-то и окажется сильнейшей.

*Д. Семенов, зав. кафедрой легкой атлетики
института физкультуры им. Лесгафта*

Мельбурн. Белыми кругами обведены места олимпийских стадионов.

Грибы-хищники

Вы, наверное, знаете, что насекомоядные растения — это хищники.

Они питаются мелкими животными.

Особенно интересны микроскопические хищные грибы. Недавно они были обнаружены в почвах Туркмении, и ботаник Ф. Ф. Сопрунов их подробно изучил.

Тело хищников состоит из тонких нитей — грибницы — с особыми приспособлениями для ловли червей. Эти приспособления — множество петель и колец, покрытых тонким слоем клея.

Каждое такое кольцо — ловушка. На одной нити грибницы их несколько сотен.

Мелкие круглые черви — нематоды и их личинки — часто попадают внутрь колец-ловушек и прилипают к ним.

Как только жертва поймана, одна из клеток кольца образует отросток, который проникает в тело нематоды и там уже разрастается в грибницу. А та, выделяя пищеварительные соки, убивает ими нематоду. Проходит немногим более суток — и от пойманных червей остается только непереваримая кожистая пленка — кутикула.

У некоторых хищных грибов кольца насчитываются лишь единицами, и у них нет клея. Как только нематода попадает внутрь такого ловчего кольца, клетки последнего мгновенно разбухают и, подобно тискам, сдавливают тело жертвы.

Один из хищных грибов обладает совсем удивительной особенностью. Он выделяет вещества, которые служат приманкой. Жертвы его устремляются к грибнице, и вещества эти отравляют их. Нематоды быстро перестают двигаться, и вскоре грибница оплетает образовавшееся скопление червей, пронизывает их тела и переваривает ткани.

Какое же значение имеют хищные грибы?

Ф. Ф. Сопрунов, после долгих опытов, установил, что ими можно искусственно обогащать почву и тем самым уничтожать вредных нематод. Одни нематоды и их личинки поражают корни и стебли культурных растений, например, свеклы, помидор, огурцов, вызывая их заболевание и гибель. Другие, попадая в кишечник человека или домашних животных, наносят ущерб их здоровью.

Поэтому можно сказать, что хищные грибы — это враги нематод, но зато друзья человека.

Натуралист

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Листик. Стихи С. Скаченкова. Рисунок Н. Фандерфлит-Ерммер.	1
История одной картины. Д. Левоневский.	2
Ян. Стихи А. Имерманиса. Перевел В. Азаров. Рисунки В. Сердюкова.	4
Два галстука. Очерк В. Кетлинской. Фото автора.	5
Так поступают спортсмены. Л. Никольский. Рисунки В. Куприянова.	11
Китайские басни. Перевел В. Семенов. Рисунки В. Морозова.	13
Мы пришли на завод.	14
Ворота в мир. Е. Поляков. На вклейке рисунок Р. Кочегуры.	16
В облаках. В. Конечный. На вклейке рисунок В. Свешникова.	17
Ватага из Сан Лоренцо. Повесть М. Арджилли (продолжение). Перевод с итальянского А. Горского и С. Полтевского. Рисунки Н. Петровой.	18
Осминюг. Рассказ Н. Третьякова. Рисунки Ю. Лобачева.	27
Лена. Стихи Н. Гольдина. Рисунок Н. Носкович.	32
Трудная задача. Стихи Ю. Яковлева.	32
Они полюбили конный спорт. На вклейке рисунки В. Курдова.	32
Мужественная собака Носто. Фото А. Бродского.	33
Как ты готовишься к фестивалю? На вклейке рисунок Р. Юсипенко.	33
Рассказ удильщика. В. Бианки (продолжение). Рисунки В. Курдова.	34
Неразлучные друзья.	36
Наш полевой стан. Очерк А. Орлянского.	37
Морская газета № 4. Оформление Н. Кузнецова.	38
Клуб смелых изобретателей и отважных ребят. А. Брезоль. Рисунки В. Гальба и Е. Косяков.	40
Крылатый корабль. М. Урес.	42
В новой школе. Г. Гродненский.	43
На новые места. Очерк К. Меркульевой.	44
XVI Олимпийские игры. Очерк Д. Семенова.	46
Грибы-хищники.	48
На обл. рисунок Л. Голдасской «В тайге». На 2 стр. обл. «В литейном цехе Кемеровского завода». Фото В. Кунова. На 3 стр. обл. Аркадий Гайдар. На 4 стр. обл. рисунок В. Гальба «Новое в технике». Стихи В. Иванова.	

Редактор Н. Ф. Григорьев

Редакционная коллегия: В. М. Коначески, А. И. Пантелеев, Т. Н. Приставко, Г. М. Сосенкова, В. В. Торопыгин (заместитель редактора), Е. Л. Шварц, Е. М. Шереметьева, Ю. А. Эшман

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Ответственный секретарь
И. В. Терebinская

Технический редактор
А. А. Двораковская

Корректор А. И. Мелузов

Адрес редакции: Ленинград, наб. Кутузова, 6, тел. Ж 3-23-63, комм. Ж 3-72-11 и Ж 3-72-12.

М-37.76.

Подписано к печати 5/X 56 г.

Формат бумаги 84×108¹/₁₆.

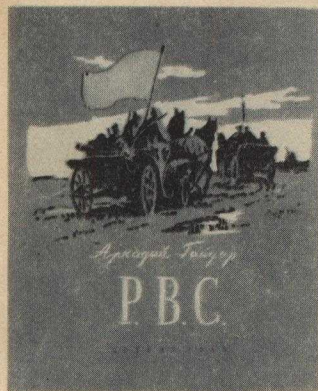
Печ. л. 6+2 вкл., усл. печ. л. 5.134, уч.-изд. л. 6.6.

Тираж 100 000 экз.

Заказ № 1385.

Цена 2 р. 51 к.

4-я типография им. Евг. Соколовой. Ленинград, Измайловский пр., 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати.

АРКАДИЙ ГАЙДАР

К пятидесятилетию со дня смерти

В своих книгах Аркадий Гайдар запечатлел жизнь нашей страны с первых лет ее существования. В гражданскую войну вместе с вашими дедами сражался „за светлое царство социализма“ Борис Горинов, герой повести „Школа“; с вашими отцами Толя и Владик разгадывали в Артеке „Военную тайну“; вместе с вашими старшими братьями и сестрами росли Чук и Гек; люди, которым сейчас по 25—30 лет, по примеру Тимура, в Великую Отечественную войну, как умели, помогли Родине.

Кто бы ни был герой произведений Аркадия Гайдара—взрослый человек-коммунист, юноша-комсомолец или мальчуган-пионер,—он всегда благороден, предан делу революции и имеет ясную цель жизни—борьбу за победу коммунизма.

Гайдар хорошо понимал ребят. Герои его книг—твои друзья. Разве не дружил ты с такими, как запасливый хозяйственный Чук, как смелая рыжеволосая пятилетняя путешественница Светлана, волевой, подтянутый „командир“—в синей безрукавке с красной звездой на груди—Тимур?

Аркадий Гайдар любил писать о хороших людях и о счастливой жизни. Но он не скрывал от читателей трудностей и опасностей жизни.

Нельзя же, чтобы ребята, как Гек, думали что если над ними светит солнце, то, значит, нигде нет ни дождя, ни туч.

Писатель напоминает, как важно уметь отличать хорошее от плохого и быть зорким, упорным и решительным в борьбе со злом. Ведь юный „барабанщик“ Сергей Щербачев, едва не запутавшись в сетях врага, в решительную минуту храбро встал перед ним лицом к лицу, а Тимур и его отважная команда не побоялись хулиганов-квакинцев и одолели их.

Своей повестью о Тимуре Аркадий Гайдар показал, как ребята могут выполнить свой долг патриотов. Тысячи мальчиков и девочек поняли писателя, отозвались на его слова славными тимуровскими делами.

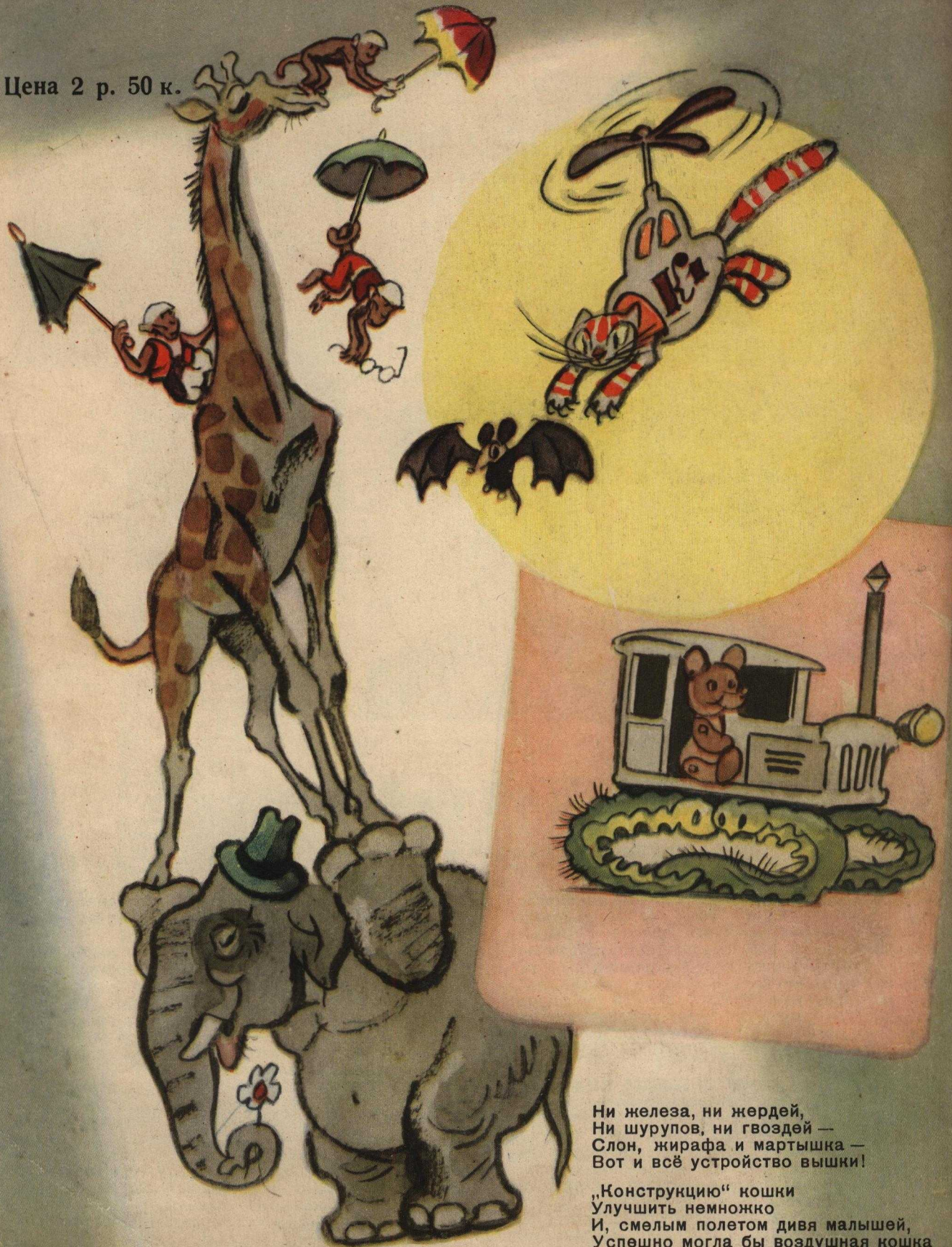
Что такое настоящая дружба? Как поступить, когда тебе трудно и невесело? Как оставаться всегда верным долгу и стойким?

На эти и многие другие вопросы Аркадий Гайдар своими книгами помогает найти ответ.

Читайте и перечитывайте страницы его книг, и, главное, думайте над тем, что говорит вам этот чудесный писатель, замечательный человек, ваш умный старший друг.

В. Макарова.

Цена 2 р. 50 к.

НОВОЕ В ТЕХНИКЕ

Ни железа, ни жердей,
Ни шурупов, ни гвоздей —
Слон, жирафа и мартышка —
Вот и всё устройство вышки!

„Конструкцию“ кошки
Улучшить немножко
И, смелым полетом дивя малышей,
Успешно могла бы воздушная кошка
Ловить и простых и летучих мышей.

Юннатский сад и огород
Пора от гусениц избавить.
Должны на „гусеничный“ ход
Мы трактор кукольный поставить.

В. Исаев

Решил в „Костер“ внести свой вклад
Алеша Ковшиков — мечтатель.
Что изобрел шутник-юннат —